КРАЕВЕДЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

А. М. ПОМАЛОВ

35 коп.

Самарская Лука

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА САМАРА

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Акт № 2

Проверена-56 г.

ПРОВЕРЕНА-58

проверено-85

Индекс	М2		Шифр хранения
Авторский знак	4-П64-С		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

Тип. Воениздата. Зак. 1453—150000

А. М. ПОТАПОВ

САМАРСКАЯ ЛУКА

КНИГА ДЛЯ БИБЛИОТЕК
ШКОЛ ПОВЫШЕННОГО ТИПА
И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КУРСОВ
ВЗРОСЛЫХ

652.
104

КОМИССИЕЙ ГО КНИГЕ
СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРАЙОНО
ДОПУЩЕНО В БИБЛИОТЕ И
ШКОЛ ПОВЫШЕННОГО ТИПА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СРЕДНЕВОЛЖСКОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МОСКВА 1931 САМАРА

Александр Михайлович Потапов

Крайлит № Г —93 от 25/I. Тир. 10000 экз. ОГИЗ № 14. СМ Инд. Д-23

Самара, 10-я тип. ОГИЗ'а им. т. Воровского.

ОТ АВТОРА

Цель издания настоящего сборника — дать для библиотек школ-семилеток книгу по изучению Самарской луки,—этой оригинальной, интересной и важной части территории Средневолжского края.

С научной точки зрения Лука представляет чрезвычайно интересный и вместе с тем мало изученный уголок нашего края.

Но кроме научного интереса, она является экономическим фактором огромного значения в развитии промышленности края: колоссальные запасы строительных материалов, в которых так нуждается страна, исключительная выгодность сооружения мощной электростанции, положение на транспортном узле речного и сухопутного движения и, наконец, непосредственное соседство с левобережьем—центром совхозно-зернового строительства,—все это—двигатели развития края в сторону превращения его из края экстенсивного земледелия в край индустриально-аграрный.

Выпускаемый сборник дает разнохарактерный материал для осознания геологического прошлого Луки, истории ее заселения и тех конкретных ценностей, которые приковывают внимание научных и хозяйственных сил нашего края.

На ряду с образовательною целью — обогащения знаниями о своем крае,—составителем преследовались и воспитательные задачи: приобщение читателя к пониманию задач современности и вовлечение его в ту атмосферу энтузиазма, который одухотворяет великое строительство Союза.

В выборе форм подачи материала автор учитывал возраст и общее развитие учащихся и стремился передать содержание в доступных и интересных для этого возраста формах. Поэтому ареною действий избраны детские и юношеские организации.

Выдвинутые типы достаточно характерны для современной школы, имеющей пестрый состав в смысле возраста, социального положения и общего развития учащихся.

Содержание рассказов не есть дневник реальных участников действий, но оно отображает действительность как в смысле природных явлений, так и жизни человека.

Имея в виду дать общее представление о Луке, в особенности о ее береговой полосе, автор не дал достаточных описаний рельефа и объектов труда человека; книга не может служить справочником всех данных о Луке.

Но сборник может быть использован в качестве школьного пособия при изучении географии нашего края.

Руководством для проработки материала автору служили книги: „Краеведение“ (в помощь школьному работнику, часть 1-я), „Среднее Поволжье“ Семенова-Тяншанского, статьи по отдельным вопросам в повременной печати, в том числе проф. Чаплыгина, горного инженера Обуховского и др. и, кроме того, личные наблюдения природы и жизни

Автор сознает недочеты своей первой литературной работы как в смысле оформления, так и содержания сборника и тем более будет признателен за всякую здоровую критику, направленную в конечном выводе в помощь школе.

Автор.

ПРОШЛОЕ ЖИГУЛЕЙ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Давно это было, когда еще ни человека, ни современных животных, ни растений, каких мы видим сейчас, на земле не существовало.

Не было тогда и Жигулей.

Море широко разливалось на том просторе, который теперь занимает наш край, уходило на восток, к подножьям Урала и на запад до нынешнего Московского района и Донбасса. Чаща папортниковых лесов и родственных им деревьев покрывала берега и отмели этого древнего моря.

В море бесчисленные живые существа плодились, старели, умирали и своими твердыми покровами (раковинами и щитками) устилали его дно.

То было время, когда климат нашего края не знал суровых зим.

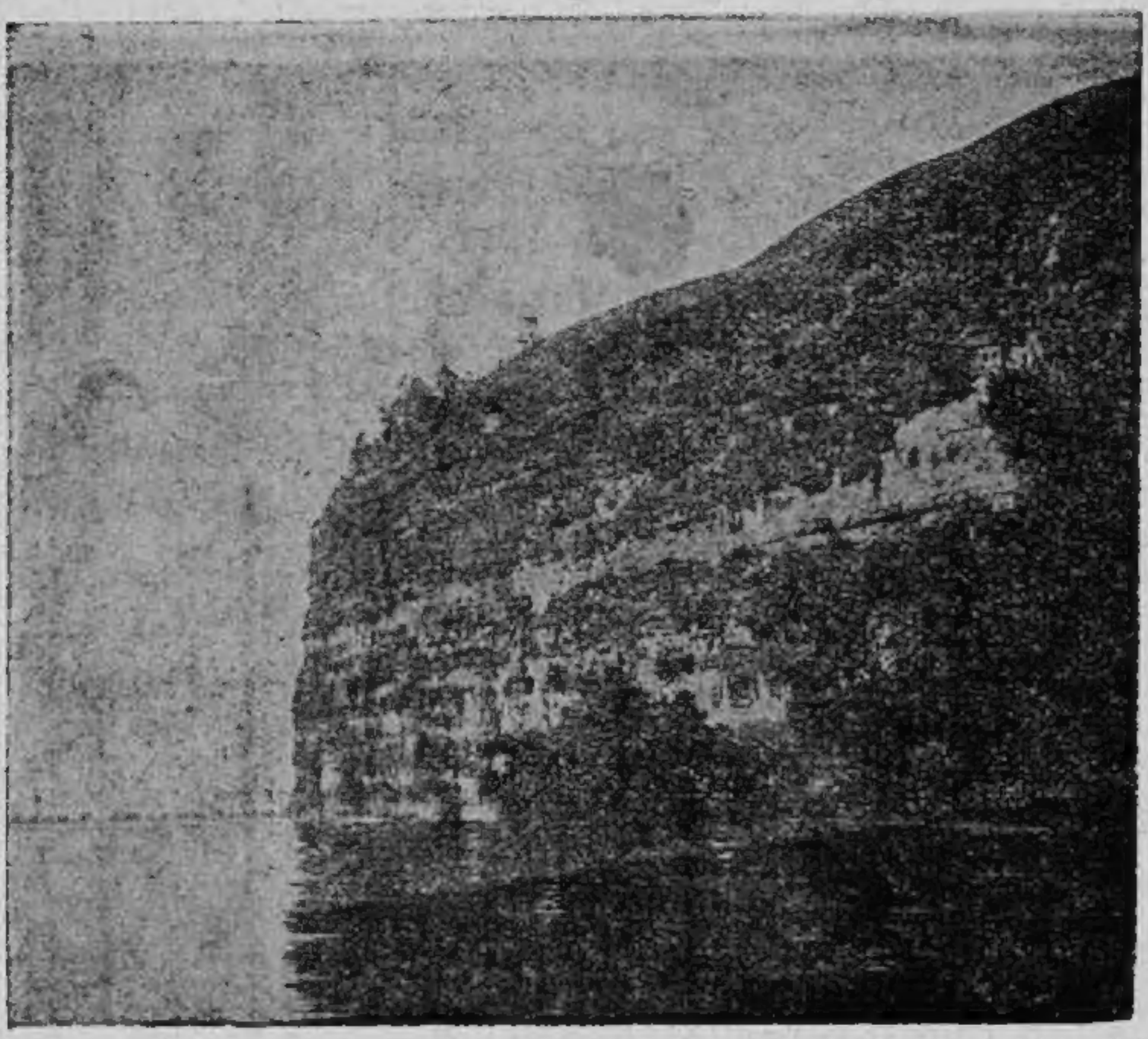
Мелькали столетия, проходили десятки тысячилетий и миллионы лет. Старела земля, и море не могло не измениться. Не раз море мелело, делилось на отдельные замкнутые бассейны, местами высыхало, вновь возвращалось, пока не иссякло совсем. Жизнь в нем с годами беднела и, наконец, исчезла вместе с морем.

Изменялся и климат. Новый растительный и животный мир, мир суши, постепенно стал оживлять равнины, когда-то бывшие дном моря.

Но земная кора не может быть навеки покойна. Мы знаем, что земля постепенно остывает, уменьшается в объеме, в иных местах морщится, слагается

в огромные горы; в других местах она снижается и заливается океанами; случается и так, что при образовании складок через надтреснутую земную кору, словно гигантский фонтан, брызнет вулкан, выбрасывая камни, пары, пепел, широко заливая огненной массой окрестности. Бывают и сдвиги пластов в молодых горах, вызывающие землетрясения.

Так было и у нас: под напором тектонических (двигательных) сил природы земную кору нынешней Самарской луки вспучило, приподняло извилистым валом. Гребень этого вала дал излом-трещину; одна



Усинский курган.

сторона его приподнялась и обнажила древние известняки (каменноугольного периода), да так и осталась в виде тех вершин Жигулей, которые обступили берег Волги. Другая сторона вала опустилась, теперь она подстилает русло Волги.

Образовались сбросовые горы, какими и являются Жигули.

Эта вспученная земная трещина не ограничивается одной Самарской лукой, она идет далеко на восток, в район бывшего Бугурусланского округа.

Так выросли Жигули на месте бывшего когда-то здесь моря.

Прошли века, и новое море, Акчагыльское, постепенно затопило наш край: волны его плескались и отлагали песок и ил у скал Жигулей, в долинах нынешних рек Сока, Кондурчи, Самарки. Но затопить Жигули они не смогли: Жигули оставались островом.

Была жизнь и в водах этого моря, но во многом отличная от жизни в древнем море.

Много тысяч лет прошло, и Акчагыльское море начало медленно отступать на юг, в Арало-Каспийскую впадину, пока совсем не обнажило земли нашего каря.

С тех пор века стоят Жигули, покрытые щетиною лесов; дремлют, прислушиваясь к песням волжских волн.

Кто-ж нам рассказал о том, что было так давно?

А поведала об этом сама земля. Из года в год отлагала она свои напластования. Покопайтесь в горах, поглядите на стенки оврагов или крутого берега реки—и вы увидите слои земли, различные по цвету и строению: одни из них состоят из чистого песка или глины; иные перемешаны с округлыми камнями; третьи содержат пласты известняка, гипса и пр. Часто в них попадаются остатки морских и сухопутных животных.

Как раскрытые страницы, говорят они о прошлой жизни земли; нужно только уметь читать эту земную летопись.

Строение земной коры изучают ученые люди—геологи. Они-то и прочитали эту великую книгу природы.

Что же им сказала земля о Жигулях?

Горы Самарской луки сложены из известняков, доломитов, гипса, мергелей и проч. Если рассмотреть известняки пристальней, то можно увидеть, что они осадочного происхождения — состоят из раковинок, склеенных пластами земли, раковинок не речных, а открытого моря.

Иное дело гипс: он может образоваться в закрытом, замкнутом, а потому сильно соленом море, и если гипс находится среди пластов земли, — значит, было время, когда здесь существовал замкнутый бассейн.

Из раковинок же, но только очень мелких, состоят и меловые породы. Такие раковины обнаружены на значительной глубине на дне Атлантического океана. Они лежат в Жигулях выше других напластований, а следовательно и моложе тех известняков, о которых мы только-что говорили.

По этим пластам, по их чередованию, геологи восстановили картину жизни первобытного моря и тех изменений, которые здесь были с отдаленных времен.

Пласты Жигулевских гор не лежат горизонтально: постепенно поднимаясь с юга (от сел Переволоков и Рязани), они обрываются над Волгой в кручах Жигулевских гор. С высоты курганов простым глазом видно, как снижаются синие увалы Жигулей, направляясь от волжских круч вглубь Самарской луки.

Пласты каменноугольного известняка, приподнятые на севере (у сел Морквашей и Ширяева) на 200 метров, на юге, в пустынном овраге, выше Сызранского моста, опускаются до уровня Волги, а у с. Печерское уходят даже под горизонт реки.

Горный известняк, который близ с. Усолья поднимается на высоту 180 метров, в 13 километрах южнее — у Переволок — лежит ниже уровня Волги.

Отложения Акчагыльского моря (глины, пески с раковинами, кардиты и макры) не прикрывают вершин Жигулей: они прислонены к их подножьям. Значит, Жигули образовались ранее наступления Акчагыльского моря.

Много и других признаков описания строения Жигулей разбросано по Самарской луке. Они-то и убеждают нас, что выводы геологов о том, как образовались Жигули заслуживают доверия.

У ЖИГУЛЕВСКИХ ВОРОТ

НАБРОСОК С НАТУРЫ

Переночевав в Царевщине, мы до отвала парохода пологим восточным склоном взобрались на вершину Царева кургана.

Яркие краски погожего летнего утра отчетливо ложились на голубоватые контуры Серной горы, широкую гладь Волги и густую листву раскинувшейся под ногами поймы. Зеленые шапки осокорей, ивняка, вяза скрывали от нас изгибы глубокого ерика, вплотную подходившего к самому кургану. Дымящийся пароход, подводы у пристани, пассажиры,—все это с вершины горы приземилось.

Слева от нас, за Соком, вздымалась огромная Тип-Тяв. Склоны ее были пышно одеты лесом. Сквозь просветы листвы белели камни ее вершины. Соколовы горы, которые она возглавляла, крутым валом уходили вдоль Волги на юг по направлению к Самаре. Километров за 30 по течению в голубой дымке горизонта высились здания города, амфитеатром спускавшегося к самой реке.

До отвала оставалось еще полтора часа. Мы с естествоведом Михаилом Ивановичем и его сыном, пионером Шуркой, не торопились спускаться вниз.

Любуясь развернувшейся перед нами картиной, мы беседовали с естественником, Шурка неустанно лазал по склонам горы, бросал камни вниз, а более интересные собирал в свою походную сумку.

— Шура, да брось ты маяться — иди пить чай. Скоро поедем.

— Всегда готов, папа! — подбегая крикнул мальчуган, весь красный, потный, оживленный.

— А где же Волжские ворота, папа, про которые ты говорил?

— А вам в школе разве не говорили об этом? Ведь вы теперь — шестая группа.

— Между Серной горой и Тип-Тявом. А где — я не знаю.

— Да здесь же, у Царевщины. Вон за Волгой, против нас, это Серная гора; а вот эта, по ту сторону Сока—Тип-Тяв; ну, а где мы сидим...

— Царев курган — знаю.

Болтая, Шурка успевал и пить чай и аппетитно жевать домашний хлеб.

— Знаешь, папа, мне в отряде придется о поездке доклад делать: ведь я — юнат и природу знать должен хорошо. А я что... Вот про это заливное место ничего не скажу.

— Так это-ж Волжская терраса.

Шурка на минуту остановился в своих действиях: в одной руке недонесенная ко рту кружка, в другой кусок хлеба. Словом, поза изумления.

— Ну да: вот пойма, займище, что заливает Волга весною. Это и есть первая терраса. А та равнина, на которой стоит Царевщина, Курумочь, — вторая терраса. Она выше поймы метров на 12... Если покопать здесь почву — она песчаная, с теми же ракушками, что и пески на Волге. Но у Волги есть и третья терраса. Та еще выше — метров 30—40 над Волгой. Вот если идти отсюда к старой Царевщине или в Курумочский бор, она явственно обнаружится.

— Папа, как же это? Разве Волга выше текла?

— Ты проследи какой-нибудь ключик, который сбегает во время дождя с уклона. С каждым годом он будет все больше углублять свое русло. А у Волги были и другие причины, которые усиливали ее работу и заставляли суживаться и углублять свое русло. Ты знаешь, конечно, Каспийское и Аральское море?

— Ну как же... И Аральское и Каспийское знаю.

— Ну так вот: было время, когда они составляли одно море. Море подпирало Волгу и она имела высокий уровень. Море убывало, уходило на юг и Волга углубляла свое русло.

— Постой, папа. А как же на этой террасе Царев курган торчит? В нем тоже песочек с раковинами Волги?

— Про образование кургана вот как говорит народная легенда. „В стародавнее время проходило здесь несчетное воинство неведомого царя. Место, где стоит курган, пусто было, гладью растилалось. Захотелось неведомому царю показать свое могущество, поставить памятник себе. Повелел он каждому воину принести на эту гладь по шапке земли и высыпать в одну кучу. Так и вырос Царев курган. Много веков спустя проходил этим местом Иван Грозный. Завидно ему стало на славу неведомого царя, и велел он каждому своему солдату снять с вершины кургана по шапке земли: чья-де сила верх возьмет. Долго работала его рать, только верхушку кургана сняла и прочь ушла — не могла осилить". А вот как о том же говорят геологи — люди науки. Песочка в кургане нет, а ракушки есть: ведь известняк, вглядись-ка, из ракушек состоит, да только не из волжских, а морских. Такие известняки в горах на том берегу найдешь.

— Как, разве курган соединился с Жигулями?

— Выходит так: и расположение пластов и состав их такой же. Можно сказать, курган — плоть от плоти Жигулей. Было время, когда жигулевский вал загораживал нынешние ворота. С годами Волга дробила эту преграду, пока не выбилась на широкий простор Рождественской поймы.

— Стой, дай слово, папа.

— Ну-ну...

— А куда девалась вода Волги, когда ворота были закрыты?

— Угробила меня, можно сказать, наша смена.

— Смена — это комсомольцы, а мы — смена смене.

— Ладно, согласен. Так вот что, смена-смене: ты видишь, какой широкий прогал идет в долину Сока? А дальше долина еще шире. Посмотри, как курган округлен со стороны Волги. Вспомни еще и про третью террасу. Отсюда вывод: до своего прорыва в ворота Волга обходила на восток и Жигули и Соколовы горы у села Старо-Семейкина на Соку, Смышляевки и Ждановки на р. Падовке и Самарке. Лука была на много выше...

Раздался гулкий свисток парохода. Мы заторопились. Внизу мельтешил народ у пристани.

Через полчаса по ерику наш дачный пароход выбрался на главную Волгу.

Снизу на встречу ему шел большой пароход пригородного сообщения. Уверенно рассекал он речную струю. Красные флаги резко полоскались на его флагштоках.

Верхняя палуба была густо заполнена народом. Слышались звуки духового оркестра и местный запев стоголосого хора:

— Волга, Волга — мать родная...

То ехали заводские рабочие на экскурсию в Жигули. Минута — и пароход уже далеко за кормой.

— Не видала ты подарка... — рывком донесся разлив широкого мотива.

Песнь волновала, поднимала настроение.

Новая яркая картина современного быта вплелась историю великой реки.

КРУГОСВЕТКА

РАССКАЗ

— Правь на волну. Что рот разинул?.. Яшка!

— Сам знаю... Не командуй, Вихор, — огрызнулся бритоголовый рулевой с тюбетейкой на затылке.

Черные глаза блеснули и выразительное лицо с высоким прямым носом подернулось гримасой в концах тонких губ.

Тот, кого он назвал Вихром, был однолеток Яшки Вайзера—Ванька Вихров. Передний ряд темнорусых волос челкой прилип к его мало загорелому лбу. Округлое лицо со слегка вздернутым носом и мягкое очертание рта выдавало добродушие. Сметливый ум сквозил в серых вдумчивых глазах.

Он сидел в передних веслах. Мускулы рук, развернутые плечи заставляли предполагать, что гребец он надежный.

Не то его сотоварищ—Жевя Зорин, белокурый остриженный под ерша пионер. Тонкие черты лица, слабая развитая грудь и худоба тела выдавали в нем горожанина, далекого от физического труда. Сын достаточно обеспеченного служащего, он носил на себе все недочеты „изнеженного“ с пеленок воспитания. Потная рубашка плотно облипала его спину.

Вайзер, Вихор и Зорин составляли вторую смену команды лодки.

Первая смена отдыхала.

Сергей Иванович, физкультурник по профессии и волжанин по натуре, посасывая трубку, спокойно сидел

посредине лодки и готовил подпуска. Волгу он любил, знал ее хорошо. В гражданскую войну, в красной кавалерии, он не мало колесил по Украине. С того времени у него осталась особая любовь к „украинской мове". Часто свой разговор с собеседником он заканчивал украинской фразой. Ему-то и поручено было школой срочно провести разведку о состоянии пути кругосветки для выполнения широкой школьной экскурсии.

Карта кругосветки.

Пять часов тому назад покинули они Самару. Давно миновали Коровий остров, Поджабный затон. Винновка, растянувшаяся на плече отрогов Жигулей, осталась далеко позади.

Сергей Иванович, углубленный в работу, равнодушно относился к окружающей его обстановке.

Развитые мышцы выпирали из-под его гимнастерки. Серые глаза, упрямый лоб и твердая постановка скул говорили о силе воли.

Его товарищи по вахте — Фатых Садыков и Федька Жиган — крепыши: Фатых широкоскулый, с короткими черными волосами, рябоватым лицом, приплюснутым носом и темными смышленными глазами, плотный, кряжистый, хороший гимнаст, как и хороший товарищ. Слабее у него общее развитие и владение русским языком. Восемь месяцев тому назад он был условно принят в 7-ю группу, как ученик школы нацмен.

Жиган — смуглый с непокорными вихрами мальчуган, самый старший из них — комсомолец; в карих глазах его, в размахе не окрепший, но уже наметившейся сильной фигуры, в басовитых нотах голоса чувствовалась настойчивая твердость. Некоторая резкость и грубоватость обращения не снижали его оценку в кругу товарищей.

Все они ученики седьмой группы.

Тревога Вихра была вызвана приближением парохода. Огромный теплоход полным ходом проходил мимо лодки. Короткие угрожающие гудки предостерегали пловцов об опасности. Винт будоражил стальную гладь Волги и посылал крутые валы на оба далекие берега и к лодке.

Сергей Иванович, взглянув в сторону парохода, скомандовал: „Руль вправо!"

Яшка налег на руль.

— Ударь, ребята, правым веслом. Стоп!

Лодка занырнула по гребням набегавших волн, рассекая их под прямым углом. Девятый вал высоко задрал нос лодки; пенистые гребни, журча, пробежали вдоль ее бортов. Еще волны, но уже меньше и меньше и, наконец, постепенно расправились стекловидные морщины встревоженной реки.

— Ребята, ша! — сказал Сергей Иванович — ложимся в дрейф.

Команда не заставила себя ждать: весла в лодку, и все с наслаждением расположились отдыхать.

— Оц, дуже гарно, — сказал Сергей Иванович, закуривая свою потухшую люльку.

Покойно плывет ладья вместе со всей шириной великой реки.

Лениво перебрасываясь словами, туристы предавались неге светлого июньского дня.

Вечерело. Ликующее солнце склонялось к закату. Винновка, Ермаково, вытянутые по крутому увалу снижающихся Жигулей, были подернуты голубой дымкой потухающего дня.

Слева нарастал большой остров. Его утрамбованные песчаные отмели манили своею гладью купальщиков. Из-за каймы густого подлеска высоко поднимались осокори, вязы, тополя; темно-зеленая шапка столетнего дуба с корявыми жилистыми ветвями резко выделялась на общем фоне бледной зелени водолюбов. Красивым полуовалом рисовалась бухточка, огражденная от реки песчаной гривкой.

— Ребята, а ведь лучше ночлега нам не найти, как этот остров,— заметил Сергей Иванович: — Дрова для костра, бухта для лодки и пляж для купанья .. Чорт возьми, квартира на заказ. А? Как вы?

— Причалим, чего тут разговаривать! — встрепенулся Яшка.

Вихор и Женька взялись за весла.

— Вот это правильно,— басил Жиган.

— Чи уси так соизволяетэ? — спросил Сергей Иванович.

— Уси, уси! — дружно отозвалась, смеясь, команда.

— Руль лево! Гребцы наддай! — скомандовал Сергей Иванович, и лодка, свернув с фарватера, быстро понеслась к песчаной отмели приближающегося острова.

Шел июнь месяц, и Волга была на спаде.

Часа через два, когда косы потухающей зари далеко передвинулись к северо-западу, на песчаном берегу весело потрескивал костер. Острые языки пламени лизали закоптелый чайник. Команда живописно расположилась вокруг: Сергей Иванович сидел, обнявши колена, и сосал свою трубку. Он сосредоточенно смотрел на огонь. Вихор лежал и дремал. Яшка и Жиган,

конечно, спорили. Женя прутиком задумчиво перебирал угольки. Фатых что-то жевал. Ребята много посбавили энергии: купанье, сытый ужин из общего котла, физическое утомление, — все это не располагало к подвижности, тянуло ко сну. В принакрытых вечерней береговой тенью селениях мелькали огоньки.

— Ермачиха все еще не спит, — заметил Жиган.

— Не Ермачиха, а Ермаково.

— А ты пристанской? — огрызнулся Жиган, — лезешь, где тебя не спрашивают.

— А что тебя не поправить? Шишка, подумаешь.

— А как по-вашему, Сергей Иванович?

— Зовут и так и этак... Послушайте волгарей. Правильно-же, по-моему, было бы назвать Ермаковкой. Почему Кольцовка, а не Кольцово? Ведь одна причина названия — в память и честь атаманов Ермака и Ивана Кольцо. Есть же у нас Ивановки, Семеновки и другие.

— Это Ермак, что Сибирь покорял? — спросил Фатых.

— Он самый.

— Сергей Иванович, — приподнимаясь на локоть, спросил Вихор — А ведь этак, пожалуй, Ермаково и Кольцовка старше Самары будут?

— Сказал тоже... Ты уж спи, как спал до этого, — заметил Жиган.

— Стойте, ребята, — вступился Сергей Иванович. — Тут доля правды есть: когда построена наша Самара — мы знаем. Примерно, в 1586 году. А когда объявилась Кольцовка да Ермаковка — нигде не писано. Но если верно народное предание (а верить этому можно), что на этом месте было становище атаманов волжской вольницы, так это было лет за 20—30 раньше основания Самары.

— Что, съел, Жиган? — язвил Яшка. — Выходит, прежде чем в прениях выступать, справочник нам полистовать приходится.

— Отстань, что прилип? А сам знал?

В это время послышался сильный плеск рыбы недалеко от берега.

Все насторожились.

— Эк, ее! — сказал Сергей Иванович. — Поздно, а то подпуск поставить надо бы на ночь.

— Здорово бултыхнуло. Это сом, Сергей Иванович?— спросил Женька.

— Нет, для сома здесь мелко. Судак или щука... Ну, вот что, команда: с л у ш-а-а-а-й! — крикнул Сергей Иванович. — Подъем завтра в 4 часа утра; полчаса на утреннюю уборку; полчаса на купанье; полчаса на завтрак; полчаса на погрузку лагеря; в 6—отвал!

— Есть, товарищ командир! — весело откликнулись голоса.

— А теперь—гайда спать!

Через час взошедшая луна меланхолично осветила заснувший лагерь. Тонкие струйки потухающего костра одни говорили о недавнем оживлении вокруг него.

...Ясное утро погожего дня застало туристов далеко в пути. Первая смена, пока не жарко, сильными рывками увеличивала и без того резвый ход лодки. Жиган размашисто заносил вперед весла, твердо опираясь ими на стрежень реки.

— Нажимай, Фатых! — задорно кричал он.

— О себе хлопочи... Наша не отстанет.

— Ровнее, ребята: выдыхнетесь скоро, а путь далекий, — сказал Сергей Иванович.

Он сидел на руле с неизменной трубкой в зубах и уверенно вел лодку, огибая караван судов.

Слева надвигались острова, поросшие лесом, и за ними безграничный разлив Волжской поймы. Кое-где в просветы деревьев проглядывали контуры Екатериновки на берегах Безенчуга. Вправо виднелись Мордово, Кольцовка, в углублении залива — Брусяны. Далеко впереди маячили Рязань, Переволоки. Заметно было, как правый нагорный берег постепенно снижался.

Женька писал путевые заметки. Яшка рисовал карту, а Вихор чистил мелкокалиберную винтовку, предмет особого внимания Жигана, который чуть не на каждой

остановке салютовал из нее; стрелять же они умели все: уроки военизации в школе не пропали даром.

— Это там далеко—Перевóлока, Сергей Иванович?— спросил Вихор.

—Она.

— И давно люди открыли этот путь вокруг Жигулей?

— Ну, брат, это установить трудновато. Известно только, что спокон веков им пользовалась волжская вольница: возьмет дань с низового каравана у Переволок, перетащит струги на Усу — и .. снова-здорово, караван! Но уже у Молодецкого кургана, повыше Ставрополя. А за вежливую встречу — коли дорожишь головою — плати, не скупись. Бывал и обратный рейс, когда проходил верховой караван.

— Но ведь караваны, наверное, охранялись, — заметил Яшка.

— Как же. На переднем судне стрельцы и дети боярские. Ведь с караваном следовали иногда и послы царя московского в Персию и шаха персидского — в Московию. Тем же путем отправлялись и служилые люди в Астрахань.

— А как часто ходили караваны? — спросил Вихор.

— Да как придется; но раз в лето непременно: весенней путиной — в Астрахань (прибывали к концу мая) осенней — обратно. Езжали и на свой страх отдельные оказии. Вольница производила набеги на купцов даже в то время, когда на Волге становилось людно. Еще в 1817 году под Молодецким курганом был разгромлен караван в девять судов. Но то было и прошло. А вот нынче про Жигули по-другому сказать можно:

Давно в горах не свищет пуля,
Кистень в лесу не сторожит,
Лишь чайка в воздухе дрожит,
Свою добычу карауля.
Из труб поселков дым взлетает,

Земля железом поднята.
Стучит топор и выплывают
В горах седые берега.

— Од як... чи, гарно?!

— Это по-твоему уклону, Женька! — заметил Яшка.

— Хорошо, Сергей Иванович. Откуда вы привели стихотворение? — спросил Яшка.

— Не помню. Да не все ли равно? Эй, приударь, ребята! Что уши развесили?.. Через час в Переволоке будем.

Солце стояло высоко. Становилось жарко. Сергей Иванович не раз давал „отдышку" гребцам; но смену менять не стоило: Переволока постепенно приближалась. Село отчетливо было видно. Длинные улицы серых крестьянских изб далеко тянулись по крутому берегу. На отмели лодки, люди... Несколько телят спустились к водопою, стоят по колено в воде, махая хвостами. Стая белых гусей причаливает к берегу, с трудом справляясь с течением.

Когда лодка остановилась, двое крестьян подошли к нашим туристам.

Ребята с любопытством смотрели на потомков станичников, но ничего особенного в их фигурах не было. Обыкновенные русские лица, тип пригородных крестьян: „себе на уме с горошком".

— Что, аль на Усу собрались? — спросил один из них, снимая шапку и здороваясь.

— В кругосветку... дело известное. Да вот не знаем, кто бы взялся нас переправить.

— Охотников на то у нас много... Пожалуй, и мы бы не прочь.

— А как дорого?

— Цена известна — пятишницу!

— Цена-то известна, да и запрос знаком... Зеленькую?

— Прибавить надо .. время горячее: пар, полка.

— Вот время горячее, а у реки прохлаждаешься. Бери да вези, время не веди: оно тоже деньги, — убеждал Сергей Иванович.

— Да вон вчера шесть лодок переправляли, по пятишнице дали, слова не сказали ..

— Ну, там организация, может, побогаче, а мы что? — школьники; с нас взятки гладки!..

— Ну, ладно, что с вами делать? Народ хороший. Обождите малость, в момент представим.

Но момент оказался длинным: за это время Женька, Фатых, Жиган и Яшка успели побывать в избе-читальне, которая стояла неподалеку. Сергей Иванович и дежурный по лодке, Вихор, хлопотали о провизии. Они купили молока, яиц, хлеба. Цена на продукты здесь мало чем разнилась от городских.

Только через час показался гнедко, запряженный в длинные дроги.

Переправа из Волги в Усу.

Подвода заехала в воду настолько глубоко, что дроги скрылись в воде. Лодку свободно толкнули на дроги и вместе с багажем и Вихром повезли через увал на Усу.

Увал не особенно высок: метров 30 — 40, не более. Здесь конец Жигулей. Отсюда, с юга от Переволок и Рязани, они постепенно поднимаются на север по направлению к Ставрополю. Это особенно хорошо заметно, если проследить положение пластов камня, слагающего Жигули: горный известняк, залегающий у Переволок на уровне волжской воды, у села Усолья поднимается на 180 метров над водою.

Пересечь село, перевалить подъем — дело и, впрямь, было не трудное: „в момент представили".

Уса под Переволокой.

Братва дивмя дивилась: ехали вниз, к Сызрани, сделали не менее 60 — 70 километров, и вдруг так близко от Ставрополя (25 километров), того Ставрополя, до

которого нужно ехать вверх часов 5 — 6 на пассажирском пароходе.

Погода продолжала благоприятствовать. Белые пушистые, как клочки ваты, облачка изредка тянулись по голубой лазури. Солнце было во всем блеске и красоте: оно растило жизнь, творило ее вновь и расточало радости бытия всему живому.

Уса, крошечная Уса, насыщенная волжским приливом, широко разлилась, заливая все займища от края до края.

Течение едва было заметно.

Компания собиралась тронуться в путь. В это время по дороге с увала к реке показался крестьянин с палкой в руке и котомкой за плечами.

Поровнявшись с лодкой, он остановился.

— Здорово, браток! — обратился он к Сергею Ивановичу.

— Здравствуй, дед.

— На Волгу собрались?

— Туда, дед, туда.

— Не захватишь ли меня с собой?.. В Жигули иду, да вот дорогой с увала на увал два десятка верст мерить не охота: обувку жалко... Грести я умею: в пути, авось, ребятам пригодился бы. Разве вот на ночь где на Усе застрянете...

— Нет, ночевать мы на Усе не собираемся... Как, ребята? Потеснимся?

— Пускай едет, лодка еще двоих выдержит, — заметил Жиган.

— Не возражаем, — ввернул свое слово Яшка.

— Ну, значит, лезь в лодку, дед!.. Не знаю, как звать тебя.

— Иван Кузьмич, браток... Звонарев Иван Кузьмич.

— Располагайся, Иван Кузьмич, гостем будешь. Вот только угостить нечем, разве табачком поделиться?..

— И на том спасибо, — говорил Иван Кузьмич, усаживаясь посредине лодки.

Он снял свой черный, засаленный „спиньжак", котомку; порядливо уложил их в лодку и на них же положил стеганный измятый, но еще крепкий картуз. Неторопясь вытер вспотевший лоб, разгладил рукой волосы и принялся за „цыгарку".

Лодка отчалила от берега. Путники с интересом осматривали пейзаж. Справа и здесь берег постепенно наростал, превращаясь ниже по течению в кручи Усинских гор; левый, медленно поднимаясь, переходил в пологое возвышенное плоскогорье.

На работе стояла вахта второй смены: снова Вихор и Женька в веслах, Яшка на руле. Слегка подгоняя лодку, приятели оживленно болтали.

— Издалека, Иван Кузьмич? — спросил Сергей Иванович.

— Из поселка. Тут вот недалече. Может слышали колхоз „Надежный"?

— Какая же докука в Жигули ведет?

— По наряду! Помоложе ранний пар взметывают, бабы на полке, а мне, старику, порученье — в Жигули сходить. Слышно, там в совхозе овцы есть ярославские. Опять же в горах пасек много. Хотим и мы у себя пчелок завести. Да и овец породу сменить желательно: верховая овца в весе раза в полтора больше нашей, да и мерлушка куда лучше.

— А давно колхоз у вас? — спросил Жиган.

— Два года, третий. До этого времени порозь вели хозяйство; потом объединились в колхоз: посев, коровы, лошади совместно; мелкий скот, пока что, по домам. Но овчарню и свинарник к осени беспременно оборудуем.

— А выгодно, дедушка, в колхозе жить? — вмешался Женька.

— А коли не выгодно — не жили бы. И пословица говорит: местная каша масленее бывает. Свет, можно сказать, увидели, как в колхоз вошли. Сам посуди — одному в работе неспоро: во-время везде не поспеешь, малой силой хорошо не сделаешь: ни вспахать тебе,

ни посеять. Опять же в домашнем обиходе, ребятенки руки вяжут, за юбки матерей цепляются. Вот теперь, к примеру, у нас ясли... Любота! И призор за детьми, и наставленье... А матерям простор: работай, не сумлевайся!

— На что больше цель держите: на хлеб или на скотоводство? — интересовался Сергей Иванович.

— Как сказать?! Землицы-то у нас не то, что за Волгой, — маловато: посеву не больше пяти гектаров на двор. Значит, надо обиходовать так, чтобы урожай не гостем был, а завсегдатаем. И на прочие доходные статьи налегать приходится, чтобы и в скоте тебе прибыль побольше иметь, и в прочих статьях.

Тем временем лодка шла мимо стана какой-то экскурсии. На песчаной отмели у берега стояло несколько лодок. Два-три костра дымились. Вокруг них хлопотали люди. Поодаль на берегу в одних трусиках шеренги загорелых людей усердно махали руками, приседали, прыгали, — словом, шла физкультура. Часть купалась. Всплески воды, смех, гоготанье ясно доносилось с берега.

— Эх, сколько силы задарма пропадает, — заметил Иван Кузьмич, смотря на берег. — Сгибаются, разгибаются... Шли бы к нам на полку... Вот тебе емнастика!... И с мотыгой, с культиватором вдоволь намотаешься, ажно спину не разогнешь.

— Затем и упражняются, Иван Кузьмич, чтобы и с мотыгой, а надо так и с винтовкой могли стоять на деле. Ведь это, поди-чай, служащие, канцелярские да кабинетные сидни.

В воде, на большом расстоянии от купающихся виднелись головы наиболее сильных пловцов. Изредка кто-либо из них делал несколько взмахов руками и снова спокойно держался над водою. Один из них был совсем близко от проходившей лодки.

— Чья экскурсия? — кричали ему с лодки.

— Совторгслужащих, — ответил он, ныряя.

— Дедушка, а где мы плывем? — спросил Женька. — Ты, наверное, знаешь?

— Как не знать, сынок: теперь против нас на восток — Старая Рязань; а проплывем еще верст пяток, с Валами-селом поравняемся. Только их не видно: от Усы они версты на четыре стоят. Проплывем еще столько вниз — дорога из Усолья на Жигули. Усу пересекает. Тут мне и сойти придется. Да, что я лодыря гоняю: пусти-ка меня, сынок, на твое место — я малость поразомнусь в веслах.

— Уступи, Женька! — сказал Сергей Иванович.

Лодка усилила ход и Вихру не раз пришлось подбирать весла.

— Полегче, Иван Кузьмич — заметил Сергей Иванович, — а то загонишь мальца, а тебя доставить мы еще успеем.

Иван Кузьмич обернулся назад и взглянув на потного Вихра, участливо спросил его:

— Аль натужно? А ты бы давно сказал: вишь заговорился: мне и невдомек.

— Как хлеба, Иван Кузьмич?

— Пока гожи: дожди недавно прошли.

— Все посеяли, что намечали?

— Да как будто справились: против прошлого года на одну шестую больше засеву.

Лодка продолжала идти ходко.

В увале возвышенности, сопровождающей правый берег Усы, вдруг наметился прорыв. В пологой лощине виднелась дорога, которая уходила от берега вправо между увалами. У берега на отмели виднелось несколько лодок. Это и была дорога из Усолья на Жигули через Усладу.

Лодка подходила к месту переправы.

— Ну, браток, — сказал Иван Кузьмич вставая — причаль на минутку — я сойду.

Он спешно надел пиджак, фуражку, вскинул на плечи котомку и легко прыгнул с лодки на землю.

— Спасибо, ребятки, за привет и ласку. Подмогли старику немножко! — говорил он с берега: — Счастливой дороги! А соберетесь ненароком опять в круго-

светку, заверните в Переволоку к нам: не пожалеете!

И он уверенно зашагал по дороге.

— Какова деревня! — обратился Сергей Иванович к ребятам, когда лодка вновь пошла по течению: - Еще недавно был единоличник; вся забота и работа для себя, для своей нормы. Его участие в общественном деле было по пословице „моя хата с краю"... А нынче... слышали? И дружный коллектив, и улучшенное хозяйство Какие сдвиги!...

Лодка в это время шла широким разливом, поросшим уремой: вершины кустов и кроны больших деревьев виднелись из воды.

На одном из больших деревьев большой ястреб терзал свою добычу. Пух и перья медленно падали в воду и уплывали по течению.

Жиган наметился в ястреба, который не замечал опасности. Цель была неясна, и Жиган, вскочив на поперечную скамейку, выстрелил. Раненый ястреб поднялся и, не долетев до берега, упал в воду.

От волнения и легкой отдачи ружья стрелок потерял равновесие: балансируя руками, он прыгнул на дно лодки. Винтовка выскользнула у него из рук и упала в воду.

— А, чорт возьми!... Вот так фунт!... крикнул он растерянно.

— Яша, не отводи лодку! — быстро приказал Сергей Иванович рулевому и, развернувши бичеву подпуска, бросил якорь на воду.

Почти одновременно с якорем бросился в воду и Фатых. Он успел сбросить рубаху и нырнул в воду.

— Не глыбко, достанем, кричал он, вынырнув.

В это время бросился в воду и Жиган. Головы ребят скрылись под водою. На поверхности появились пузырьки, указывавшие направление движения водолазов.

Вихор и Женька слегка гребли против течения, чтобы помочь удержать лодку на месте.

Яшка спешно готовился на помощь Жигану. Но Сергей Иванович остановил его.

— Кормовое весло не бросай: видишь, зад лодки заносит по течению. Успеем помочь; не достанут они — минут через пять наша с тобой очередь дно обследовать.

В этом порыве Яшки выступило наружу то чувство товарищеской спайки, которое связывало спорщиков и прочих членов экскурсии.

Тем временем поиски винтовки продолжались. Раза два головы Фатыха и Жигана показывались из воды.

Вдруг из воды показался ствол винтовки, а потом и голова Фатыха. Почти одновременно вынырнул и Жиган. Он поспешил освободить Фатыха от груза и радостно передал винтовку в лодку.

Между тем солнце склонилось к вечеру. Туристы по плану должны были ночевать у входа на Волгу, вблизи Молодецкого кургана.

Нужно было поторапливаться.

— Вторая вахта, на место! — скомандовал Сергей Иванович.

— Есть, товарищ командир! — дружно ответили Жиган и Фатых.

И под напором свежих сил лодка быстро пошла туда, где на севере виднелись голубые очертания вершины Жигулей.

Уса, сжатая горами, становилась заметно уже; она жалась к отвесным кручам правого берега.

По мере приближения к прорыву Жигулей, через который Уса пробивается к Волге, берега становились живописнее. Вершины гор, покрытые лесом, глубокие долины-буераки, нависшие скалы с темными ограждениями в глубине реки, пустынность заливных вод — все это создавало настроение приподнятой любознательности, напоминающее ощущения исследователей малоизвестных стран.

Попутный ветер начал крепчать. Свободная команда была занята постановкой паруса.

Через некоторое время лодка, использовав все вспомогательные средства, ходко пошла к устью Усы, где уже виднелись далекие берега левобережья, ощетинившиеся по песчаным дюнам темной зеленью сосновых лесов. Гулко врывались в долину Усы гудки проходивших „коренною“ Волгой пароходов.

Справа отвесною стеной стоял обрыв пологой горы — Лепешки; за ним в виде громадного утесистого шихана, вздымался Молодецкий курган, отделенный от соседних вершин бугром, Жигулевской трубой, в глубине которой расположено село Жигули.

Вид на Молодецкий курган.

Прямо против устья, ближе к луговому берегу, разметнулся большой поросший тальником и осокорем

Калмыцкий остров, а за ним, на левом берегу Куньей Воложки, — Ставрополь.

Летний вечер близился. Длинные тени от гор далеко протянулись над рябью реки. Через некоторое время туристы причалили в небольшой заводинке у подножья стража Жигулей, Молодецкого кургана.

Одинокие вязы и осокори несколько оживляли основание каменной громады Влево, у обрыва за деревом виднелось достаточно вместительное углубление, которое могло дать ночной приют нашим путешественникам.

— Гей, парубки! треба робить! — командовал Сергей Иванович. Жиган, крепи лодку на ночь. Женька и Фатых — костер! Вихор и Яшка — со мной на заготовку ночлега. Живо: до закату времени немного.

Работа закипела.

Поздний вечер. Вверх по Волге со звездами на мачтах, красными и зелеными глазами на бортах, медленно двигался буксир с караваном. В горах гулко отдавались удары лопастей колес и рупорная команда с парохода на баржи.

Ближе к луговому берегу отдала якорь беляна; три огонька ее мачт мигали в полутьме.

Северное небо светлело, розовело от переходящей зари. Яркий костер на берегу освещал лица приятелей. Все они находились под влиянием обстановки, легенд и исторических воспоминаний, что так мастерски излагал Сергей Иванович.

Зачарованные природой и поэтической дымкой легендарного прошлого Жигулей, ребята вновь и вновь просили Сергея Ивановича рассказать про быль стародавнюю, удаль молодецкую и море гнева народного, что гремело и рокотало здесь в дни Разинского и Пугачевского разгула.

Было далеко за полночь, когда Сергей Иванович решительно крикнул: „Годи працюваты! Треба почить!

Компания стала укладываться спать.

Утро. Рано вставшее солнце любопытно высматривало из залесистого гребня Ставропольских дюн. Золотистые лучи его, игриво проникали сквозь ветви старого вяза в ту пещерку, где нашли себе приют наши путешественники.

Оно надеялось застать их спящими и пощекотать своим золотом ресницы загорелых лиц, пристыдить за сладкий поздний сон.

Напрасно. Пещерка была пуста.

На берегу, на месте костра, один очередной Яшка раздувал огонь, над которым на козелках висел пузатый чайник.

Вид на Жигули с Молодецкого кургана.

В это время на теневой стороне кургана, от Усы, видны были пять разноцветных фигур, которые взбирались по крутой тропинке на вершину кургана. То были наши приятели.

Впереди всех ловко и свободно брал кручи Фатых.

За ним, почти рядом, поднимались по горной тропке Сергей Иванович и Жиган.

— А ловко Фатых справляется с подъемом — сказал Сергей Иванович.

—Он сильный. А вам не рассказывали, как он-приз взял по лазанью на физкультурной площадке?

—Нет, ничего не знаю.

—Шест.. гладкий и высокий... А он, как кошка. Чорт его знает, откуда все это у него берется.

В это время, с высоты слабо долетел голос: „Сюда, ребята!.. Эй!... Подтянись!...

На вершине, весь облитый золотом лучей, стоял Фатых. Он махал руками, звал и кричал, не зная, что сказать от переполнявшего его восторга.

Через несколько минут добрались туда и остальные. И действительно, было от чего захлебнуться восторгом. С высоты 240 метров открывался роскошный вид на окрестности.

Прямо на север, у ног кургана, как на разложенной на столе карте, извивалась стальная ширь могучей реки, огибавшей своей воложкой Калмыцкий остров, за которым так картинно расположился Ставрополь; дальше, вниз по течению, по левобережью — Телячий остров и занятое заливом займище деревень Зеленовки и Федоровки. Справа,—вниз по Волге, как наступающая рать поседевших от тысячилетий великанов, надвигались гряда Жигулей, ведомых двумя братьями, теми самыми братьями, про которых в легенде говорится:

Заалев под лучами огневого заката,
Поднялись под волнами два утеса, два брата.

На северозапад вверх по Волге, почти на сто километров расстояния, в синеющей дымке горизонта

маячил Ульяновск; ближе виднелись „Сенгилеевские уши" и изломы Новодевичьих гор. Несколько правее от этого нагорного побережья—безграничный разлив Волги с затопленными островами и лугами вплоть до песчаных дюн, что тенистым лесным увалом идут по всему левобережью, замыкая горизонт; сзади, на юг, в глубоком буераке, виднелось село Жигули, а за ним постепенно, снижаясь, уходили увалы гор, туда, к Переволокам и Рязани.

—Это Усолье, Сергей Иванович, по ту сторону Усы?— говорили ребята.

—У нас под ногами Березовка, а за ней подальше—Усолье.

—А левее, повыше на Усе?

—Услада.

В Усладе в разлив.

—Какое название?! — недоумевал Женька: — не Ивановка, не Семеновка, а Услада...

— Так это же бары придумали,—говорил Сергей Иванович:—Тут много сел и деревень принадлежали графу Орлову-Давыдову: свыше ста тысяч десятин Жигулевских гор с их лесами и недрами имел граф.

— Как ему не знать услады!—пробасил Жиган:— Вот спросить бы самих крестьян, как прозвать их деревню за ту маету, какую они терпели,

— Потогонка, Живодерка!—кричал Фатых...

— А вот это, что за горы около Усолья?—спросил Вихор.

— Поближе к селу—Кабацкая; к Волге—Караульный бугор, или Усольская светелка, одна из самых высоких вершин Жигулей, почти 240 метров.

— Опять какая-нибудь барская затея?

—Конечно. Богатый граф вместо сторожевой старинной башни построил на горе бельведер (стеклянную беседку), по народному—светелку. От нее и название горы.

—Помаялись, наверное, крестьяне с графом. И не нашлось удальца, который сковырнул бы беседку вместе с графом в Волгу.

— Разин гулял,—сказал Сергей Иванович.—Борец за волю народную, бунтарь против барского и царского гнета. Но гулял он на Волге тогда, когда о графе и помину не было: на сто лет раньше. А при графе другой молодец потрясал престол царя и власть помещиков—Пугачев! Он всколыхнул все Поволжье, и не мало перевешал бар. Но погиб на плахе в Москве... И много еще потребовалось жертв, прежде чем крестьянство, руководимое рабочим классом, вышло из кабалы помещичьей.

— Как хорошо видно Ставрополь! — восхищался Женька; а он старше Самары, Сергей Иваныч?

— Нет. Калмыцкую крепость построили, если не ошибаюсь, в 1738 г.

— Как калмыцкую? встрепенулись ребята, ведь калмыки там, у Астрахани?

— Там они есть. А как некоторые из них здесь очутились? Так тому причиной было честолюбие ханов калмыцких и происки духовенства московского. Дело в том, что ханы, из желания заслужить милости царей московских, не прочь были переменить свою веру, — буддизм на православие. Царям это было на руку: оттого и власть над кочевиками будет покрепче, а попы в почетное звание возведут — ревнителя православия.

Читали когда-нибудь про князя Владимира, или, может, слышали?

— Это тот, что Русь крестил?—спросил Вихор.

— Он самый. Чтобы жениться на греческой царевне и породниться с царями греческими, ему самому пришлось креститься. А сделавшись христианином, он так разошелся, что стал крестить у себя в княжестве направо и налево целыми городами.

— Как, сразу?! — удивлялся Женька.

— А как бы ты думал: уговаривать да убеждать каждого — времени не хватит. Сказано — иди креститься... А не пойдешь — недруг князю. И пошли. А вот новгородцы — те посмелей были, креститься не хотели. Ну, воеводы Добрыня да Путята мечом и огнем убедили новгородцев креститься.

— Сколько же это из-за веры крови пролилось?

— Море! Ты не читал, не слыхал про так называемые „священные войны“? Арабские завоевания, крестовые походы...

— Нет!

— Почитай да сообрази, как разделяла народы вера в несуществующего бога и сколько жертв принесено ему.

— А калмыки как? — спросил Фатых.

— А так: была у них крещеная княгиня Анна Тайшина. Вот ей было дано право вывести из орды всех крещеных калмыков и поселить где-нибудь на Волге.

Видишь, место здесь какое хорошее! Тут вот и соорудили крепость и городок калмыцкий; а поблизости и села для них понастроили.

Пожили калмыки лет полсотни, может и больше; поиспытали „ласку“ княжескую и опеку поповскую и не вытерпели: потянуло на простор, в степи. Побросали они крестьянство и христианство. К чорту послали и своих благодетелей, что пот и кровь из них сосали оброками да работами...

Теперь ищи их потомков за Оренбургом, в раздолье степей Казакстана.

— По пословице вышло: „ты их крести, а они кричат — пусти“...

Все засмеялись.

Вопросы продолжались. Любопытству ребят не было границ. Наконец, Сергей Иванович напомнил:

— Яшка ждет нас внизу с чаем, ребята! Ваши животы разве об этом вам не доложили?.. Да еще купаться надо...

— Животы погодят, а вот голова просит, — оживленно возражал Женька: — Я хотел спросить у вас, это не про наш курган сказано:

Есть на Волге утес,
диким мохом порос
он с боков, от вершины до края.
И стоит сотни лет,
только мохом одет,
ни нужды ни заботы не зная.

— Нет.. Это стихотворение Навроцкого про курган Стеньки Разина, что ниже Саратова. Наш курган, видишь, потеплее одет: по склонам он лесной шубой прикрыт.

Смеясь и обгоняя друг друга, туристы начали спускаться к лагерю. Отсталым и покинутым оказался Сергей Иванович. Покуривая неизменную „люльку“, он не торопясь следовал за своей шумливой сменой.

Когда он пришел к месту причала, на берегу горел костер, над костром висел чайник, а команда была в воде: смех, отрывистые выкрики, брызги, всплески воды.

Сергей Иванович начал медленно раздеваться...

— Жиган, гляди, нырну! — кричал Яшка.

— Не ныряй, а то доставать утопленника придется.

— Фатых, догони! — визгливо раздавался голос Женьки.

Он работал обеими худенькими руками под водою, болтал ногами и вспенивал вокруг себя воду так, что из-за брызг не всегда можно было рассмотреть его голову.

— Нагоним! — кричал Фатых, вступая в соревнование.

Вихор тоже был в действии: согнутыми в локтях руками, он частыми саженками продвигался от берега, поворачивая свое лицо в такт движению рук, как бы все время оглядываясь.

Видно было, что он рос не на большой реке и техникой плавания владел плохо. Сергей Иванович, остывая, сидел уже раздетым на берегу и с интересом наблюдал свою команду.

— Яшка! гляди дно! — кричал Вихор, поднимая руки над головой и погружаясь в воду.

На минуту снова показалась голова Вихра.

— Яш! Яш! — кричал он, захлебываясь. И вновь голова его скрылась под водой.

Сергей Иванович сильным прыжком бросился в воду к месту, где сносимый течением, нырял Вихор.

В это время снова показался затылок Вихра.

Сергей Иванович был возле. Он левой рукой приподнял тело Вихра настолько, чтобы лицо было над водою и, работая одной правой рукой, доставил Вихра на берег.

Встревоженные происшедшим, туристы окружили товарища.

Вихра положили так, чтобы вода из его рта и носа могла вытекать свободно.

Он был бледен. Его мутило.

Сергей Иванович тер ему плечи, руки, грудь. Яшка хлопотал с горячим чаем.

Через полчаса все пришло в норму. Но темой разговора все еще был случай с Вихром.

— Я вынырнул, — говорил уже спокойно Вихор, хотел крикнуть Яшке насчет дна, вода попала мне в рот, и я захлебнулся.

— Успел бы и чаем напиться, — острил Яшка. — Чего это ты на сырую воду накинулся?

— Прогуляться с Сергеем Ивановичем под ручку по Волге захотел, — вставил Женька.

— Ха..-ха..-ха! — смеялся Яшка раскатисто. — А на кого ты оглядывался, Вихор, когда своими укрючинами загребал?

— На тебя, Яшка! Пошел, ли ты ко дну, — сказал Жиган. — Ведь очередь за тобой была.

— Теперь смешно, ребята, — сказал Сергей Иванович, — а могло бы быть и грустно. Надо, Вихор, плавать учиться, вот что. Едем, хлопцы! Самара, поди, по нас соскучилась.

Спустя полчаса, две пары весел вынесли лодку далеко на стрежень. Туристам хотелось издали насладиться красотою Жигулей, которые тянулись им навстречу непрерывной панорамой: каменистые выступы, скалистые просветы в лесах, обнаженные вершины, буераки, глубокие и узкие ущелья с вытекающими из лесной чащи ручейками, редкие бекеты и еще более редкие деревни... и все это в ярком золоте весеннего утра медленно плыло перед глазами и отражалось в широком зеркале прохладных вод.

Высоко взобрались на шиханы
Темных сосен траурные гривы.
Низко, низко на берег песчаный
Плещут волны, певучие волны приливы
По буграм разросся лес дремучий;
Под над лесом гребни, да утесы...
Каждый раз над ними, встретясь с тучей,
Ветер ей об них расчешет косы...

Отважное... Морквaши, охваченные с трех сторон горами, манили своим тихим покоем.

В будущем, несомненно, здесь вырастут дома отдыха и санатории, и поэтические уголки буераков оживят голоса детей и отдыхающих производственников.

Лодка тихо шла по течению.

Ближе к левому берегу членистым холстом тянулся плот. На заднем члене его стояли два новеньких домика, соединенных перекидным мостиком — террасой для управления. На высоких флагштоках недвижно висели красные флаги.

Одновременно и сверху и снизу показались пароходы. Они быстро сближались, обходя лодку с той и с другой стороны.

Создавалась опасность попасть под бортовую качку.

— За весла, ребята! — сказал Сергей Иванович. — Яшка, уходи с руля... Наддай, Вихор! Враз греби, Женька!

И он уверенно направлял лодку на подходящие валы верхового парохода. Лодка взлетела на гребень волны, нырнула в глубокий изгиб междурядья, снова вверх и еще, и еще... и вышла на более покойную часть встревоженной глади реки.

В это время поравнялся низовый пароход, от которого также шли крутые гребни волн. Они встречались со столь же стремительными посланцами верхового парохода.

Волны сталкивались и обессиленные разбивались на мелкие взмахи мертвой зыби.

Когда лодка вновь взяла курс вниз по течению, Сергей Иванович, передавая руль Яшке, говорил:

— Вот это положение лодки, зажатой двумя пароходами, и толчея волн очень опасны: нужно суметь уйти от бортовой качки. В 1921 г. здесь же, где мы сейчас едем, погиб профессор Самарского университета, т. Федоров.

— Как это случилось?

— Ездили в кругосветку на двух лодках; в одной ехал профессор с преподавателем и студентом, на другой лодке — еще несколько членов экскурсии. Лод-

ка, в которой сидел Федоров, попала между двумя пароходами. Гребцы и рулевой были неопытны. Лодка перевернулась от бортовой качки и профессор, как неумеющий плавать, утонул.

Ребята притихли.

Тем временем лодка миновала Моркваши.

— Смотрите, ребята, — сказал Сергей Иванович — по берегу и далеко в горы до самой Бахиловой поляны идет заповедник.

— Что же тут особенного, что место это заповедали? — спросил Яшка.

В заповеднике в Жигулях.

— Ничего особенного, те же красивые горы, долины, овраги, лесные чащи с их животным миром. Заповедали, чтобы сохранить в нетронутом виде природу так, как она есть. Здесь все охраняется: и растительность и животный мир.

Становилось жарко. Погода на редкость была устойчивая. Штиль продолжался. Путники подумывали о дневке.

У одного из лесистых оврагов, из которого пробивался ручей, берег Волги образовал широкую площадку, всю поросшую лесом. Площадка далеко тянулась по берегу. Здесь было тенисто и прохладно. Соседние кручи были почти сплошь покрыты лесом. Редкие сосны цеплялись по каменным выступам утесов, всюду проглядывавших сквозь зелень. Одна из сосен особенно останавливала на себе внимание: она стояла на узкой просеке, которая с берега бороздой уходила через увал гор. Сосна одиноко маячила на высоком утесе. Большое темное пятно виднелось на ее вершине — то было орлиное гнездо. С лодки видно было, как огромный орел с добычей в ногах спиралью снижался к гнезду.

— Эх, вот бы достать орленка, — заметил Яшка.

Сергей Иванович, занятый выбором места для причала, не обратил внимания на слова Яшки.

— Правь, Яшка, в заливчик! Вон туда, к полянке, подальше от оврага: к вечеру из него потянет — простынем, пожалуй, — говорил он.

Компания оживилась: все суетились, принимая живое участие в разбивке лагеря

Спустя некоторое время, полянка носила все признаки населенного места: горел костер, кипел пузатый чайник, звенели голоса и взрыв веселого смеха рвал нить разговора.

— Лафа, ребята, нам! — кричал Яшка. — Ни разу ни под бурю, ни под дождь не попадали... В прошлом году, говорят, ветра и холода здорово трепали экскурсии.

— А ты разве соскучился по них? — спросил Вихор.

— Тоскую, брат, хоть и не так, как ты по волжскому дну, — смеясь говорил Яшка.

— Быль молодцу не укор, — сказал Сергей Иванович.— Ты, Вихор, поедешь со мной подпуска ставить, или отдыхать будешь?

— Я поеду! — кричал Яшка.

— Ну, с твоей суетой да шумом ничего не выйдет: тут надо спокойного, уверенного работника, а не дрыгалку.

— Он с нами, — говорил Жиган. — Я — винтовку на плечи, Фатых и Женька—по сторонам для охраны, а Яшка—впереди: он разведка.

— Они с Вихром рыбы наловят, а мы ягод и птиц добудем и... пир на весь мир, — весело заметил Женька.

— А ты закон об охоте знаешь? — спросил Сергей Иванович.

— А как же. Можно только вредных: ворон, сорок, орлов и пр.

— А зайца бить? — спросил Фатых. — Их много.

— Надо думать, бить будет некого, сказал Сергей Иванович. — От такой компании все живое в лесу уже сейчас перевалило за увал Жигулей. Да еще Яшка на разведке.

— Я воды в рот наберу; нем буду, как рыба. Ведь и она не говорит только потому, что полон рот воды, — не унимался Яшка.

— Вихор, ты мне так и не сказал, согласен ты или нет?

— Я с вами. А на ком охрана лагеря?

— Так мы же близко будем, и лодка с нами.

— За мной, ребята! — басил Жиган, — По-походному стройся!

И отряд отбыл в горы. Слышно было, как перекликались голоса в лесу, ослабевая по мере удаления от берега.

Место для расстановки подпусков было довольно удобное. Вырезать удилище, навязать готовую лесу, нарыть в илистом овражке червяков было делом часовой работы для Вихра. И к тому времени, как Сергей Иванович закончил подвязку якорьков и поплавков для концов подпуска, насадку из хлеба и червей, он успел поймать несколько штук животок.

Против впадения ручейка была наметана течением небольшая гривка. На ней Сергей Иванович закрепил

один конец подпуска, другой стали отводить на стрежень реки: Вихор был в веслах и держал нос лодки против течения и напряженно работал, пока Сергей Иванович спускал с лодки подпуск и закреплял якорьком другой конец бечевы в глубине реки.

С лодки Вихру хорошо была видна широкая гладь реки и покрытые лесом горы. Взгляд его скользил по вершинам гор и скал, в том числе и той скалы, где стояла сосна с орлиным гнездом.

— Глядите, глядите! — вдруг закричал он, бросив грести и жестикулируя руками. — Ведь это наши!

Сергей Иванович быстро взглянул по направлению руки Вихра, и лицо его выразило тревогу.

У подножия сосны, на высоте не менее 150 метров, двигались три фигурки. Четвертая взбиралась по стволу все выше и выше.

— Это Фатых! Он в синей рубашке, — говорил взволнованно Вихор.

С воды вся эта работа под небесами представлялась чрезвычайно опасной.

Сердце замирало, глядя на движение того, кто так отважно взбирался к самой вершине сосны.

— Орел! Орел! — закричал Вихор.

Вдали с луговой стороны высоко в небе показался орел Он скользил в голубой лазури на распластанных крыльях с быстротой аэроплана.

Минута... и орел, описавший круг над сосною, стремительно бросился на дерзкого смельчака.

Видно было, как мальчик, защищаясь, взмахнул левой рукой, пригнувши голову к стволу дерева. Одновременно раздался крик и ружейный выстрел. Птица взмыла над сосною... Издали видно было, как мальчик быстро скользнул вниз по стволу дерева. Снова выстрел... Но орел поднимался все выше и выше, кружась над сосною.

Далеко - далеко на горизонте показалась черная точка, которая быстро увеличивалась, превращаясь в ясно различимую фигуру второго орла.

Через несколько минут орел парил над сосною, готовый вступить в бой со всяким, кто решится коснуться его детей. Гневный клекот его был ясно слышен с вышины.

Вихор поспешно причалил к берегу. В это время послышались голоса мальчиков.

Ближе .. ближе... И вот ребята показались из чащи.

В центре группы шел Фатых. Голова его была перевязана Женькиным носовым платком, рубашка изорвана и в крови.

Сергей Иванович бросился осматривать мальчика Фатых был бледен, но спокоен.

— Нет ли в чайнике отварной воды... Надо промыть раны... Женька, неси иод и бинты!

На голове Фатых с правой стороны была большая ссадина. Часть кожи сантиметра на полтора отстала и сильно кровоточила.

Промывая и осматривая раны, Сергей Иванович говорил:

— Ну, Фатых, ты дешево отделался: удар клювом пришелся вскользь и задел только кожу. Очевидно, орел только одной лапой вцепился тебе в плечо, а другая на спине сорвалась и изорвала рубашку, — на спине только царапина. Вот в плече глубокие раненья от когтей. Недельки две поболит .. Но как же это вы решились?

— Это все Яшка взманил, — сказал Женька: — Достань ему орленка для естественного кабинета.

— А не ты стихотворение читал нам про орленка в неволе? — огрызался Яшка.

— Что тут спорить, — наставительно басил Жиган: — Всем хотелось. Жаль, вот, что пуля не попала — перья из хвоста повышибла, а самого не задела.

— Да ведь ты два раза выстрелил! — сказал Вихор.

— Первый раз я в воздух выстрелил, чтобы отпугнуть орла... Как тут стрелять, когда под ним Фатых? — Ну, а второй раз спуделял: руки тряслись, волновался.

— Больно, Фатых? — спросил Сергей Иванович.

— Немного больно. Вот голова кружилась, когда орел клевал. Чуть не упал... Ну, сильный!.. Аяй!..

Понемногу все стало входить в обычную колею.

Несколько ниже той полянки, где разместилась компания, берег имел серповидный изгиб; он круто, стенкой, спускался к воде. Быстрина реки, ударяясь о берег, приобретала вращательное движение. Водяные воронки во многих местах кружились, указывая на значительную глубину этого места.

Обступившие со всех сторон деревья любопытной толпой теснились к берегу, заглядывая в темную глубь загадочных вод.

Среди густой поросли молодых осокорей и кленов выделялся старый, корявый яз. Он широко распластал свою крону, под которой не смел расти наступающий отовсюду молодняк.

Площадка под ним была особо тениста: ни одного блика, ни одного просвета.

Туристы видели этот заливчик и ранее, но не воспользовались им, так как причал лодки и выгрузка багажа была не только неудобна по крутобережью, но и опасна.

Сергей Иванович думал поставить в этом заливе шнур с животкой на больших хищников, но случай с Фатыхом помешал ему.

Было уже за полдень. Ясное до сего времени небо начинало омрачаться: из-за Жигулей медленно выростала огромная туча. Края ее скрывались за горизонтом. Передние тяжелые облака, с причудливыми очертаниями, освещены были сверху солнцем и белели как сахар, переходя в своих нижних слоях в лиловые и совершенно темные тона.

Стали слышны отдаленные, глухие раскаты грома.

— Ребята, надо позаботиться об имуществе, да и о себе: хоть и не бумажные, а душ с неба принимать не хочется. Как быть? — говорил Сергей Иванович.

— Под лодку залезем, — говорил Яшка.

— Шалаш сделаем, — предложил Женька.

— Нет, идемте к бакенщику, — предложил Жиган. — До него версты полторы, не больше.

— Не поспеешь всего сделать: туча близко. Тут надо поискать убежища, — рассуждал Вихор.

— Ну, вот что, ребята! Лодку вытащить необходимо — ее угнать может. Из багажа кое-что на себя наденем, на случай холодного душа; остальное под лодку спрячем... А сами вон туда, к заливу... Видали вяз? Шатер надежный. Ну, немного помочит — не беда!

— Верно, лучшего не придумать. Кто согласен, подними руку?! Кто против? Кто воздержался? — без передышки крикнул Яшка.

— Принято единогласно, — смеясь, сказал Жиган.

Первые капли дождя застали приятелей под вязом на сушняке и на том сухом соре, что остается на берегах реки после ее разлива.

Друзья заботливо припасли все это как для костра, так и для подстилки на ночь.

Блеск молний, раскаты грома, шум ветраи дождя — все это нарастало с каждой минутой.

От ветра их достаточно защищала густая поросль со стороны гор, откуда шла туча. А густая крона вяза оказалась надежным зонтом от дождя. Компания сидела, плотно прижавшись друг к другу, и смотрела на крапчатую рябь залива, который стегала частаясеть дождя

Раскаты грома гулко разносились по горам.

Р-р-р-у! — раздался страшный удар грома одновременно с ослепительным блеском молнии.

— Вот так удар! — сказал Жиган.

— Во что- нибудь близко ударила молния, — заметил Сергей Иванович.

— Эх, как просияла!.. Сейчас еще ударит, — кричал Яшка.

— У-у-у, какой припустил! — воскликнул Вихор, смотря на сплошную стену дождевых нитей.

— Ай, мне за шиворот струйка протекла!

Туча пересекала Волгу. Удары грома становились глуше. Дождь перемежался. Становилось светлее.

В это время на поверхности залива послышался сильный всплеск. Показался огромный хвост рыбы. Он пла-

шмя ударил по воде и исчез в глубине. Широкие водяные круги расходились в разные стороны.

Все с удивлением следили за происходящим. Через несколько секунд явление повторилось: также с силой взметнулся плес и после удара по воде вновь погрузился в темные воды залива.

Сергей Иванович, это сом?—интересовался Женька.

—Да, это сом. Третий раз в своей жизни мне приходится наблюдать игру сома в грозу. Очевидно, между действиями сома и грозой какая-то связь есть: возможно, что электричество находит себе отклик в его организме.

Небо совершенно прояснилось и вновь теплые лучи солнца заиграли, заблистали на омытой зелени, придавая ей особенную прелесть.

Наши путешественники принялись приводить в порядок лодку и багаж.

Время шло. Было не менее семичасов вечера, когда несколько перемежилась работа. Сергей Иванович и Вихор занялись выборкой подпуска, остальные члены экспедиции стояли на берегу и с нетерпением ожидали результатов работы.

— Эге, — закричал Яшка: — Одна есть!

— Язь,—сказал Вихор, снимая с крючка довольно большую рыбу.

Волнение на берегу увеличивалось по мере выборки подпуска.

— Глядите, еще, еще! — прыгая на берегу, голосил Женька.

— Судак—кило на два будет,—заметил Жиган.

— Смотрите, как натянулась бечева!.. Не сом, так полсома, а есть. — кричал Яшка.

В это время Сергей Иванович заканчивал выборку и вынимал из воды не полсома, а якорек.

Яшка был убит. Все долго смеялись над смущенным пророком.

— Теперь мы с ухой,—говорил довольный Сергей Иванович, вылезая из лодки.

— За дило парубки! Кто чистить рыбу, кто костер зажигать, кто стол готовить... Да зараз, хлопьята!!!

Оживление было полное: смех, шутки, возня... Ну, еще бы! Вкусная уха — это не то, что чай, на котором они сидели третьи сутки.

Время шло. Уха уже давно была размещена по желудкам. но к пузатому чайнику еще руки тянулись.

Вдруг треск сучьев со стороны берега внес неожиданный поворот мыслей и внимания приятелей. Послышались шаги, шелест раздвигаемых ветвей, и на освещенное костром пространство из сумеречной тени леса выдвинулась фигура пожилого мужчины Кожаная помятая фуражка, подпоясанная ремнем летняя куртка и загрязненные холщевые спецбрюки указывали, что он — волгарь.

— Вишь они куда укрылись.. Здорово, братва!

— Здорово!—сказал Сергей Иванович: — Садись — гость будешь.

— Сесть, — отчего не сесть: мебели у вас сколько хочешь. Экскурсия, чай—поди?

— Есть такая. А ты откуда?

— Бакенщик: вот тут с версту повыше землянка... Чай, видали? Волгу обслуживаю и береговой дозор лесной несу... Дядю Василия — бакенщика не мало самарян знают: с кем побранишься, кого рыбкой снабдишь, кому чем поможешь .. Всяко бывает.

— Помочь — это хорошо... А вот бранишься-то зачем?!

— Осторожности мало у вашего брата: собрались, уехали, костер забыли... А тут сушь, ветер... Глядишь, лесной пожар...

— Ну, мы костры за собой тушим. Да ты садись, покалякаем. Потеснитесь, ребята, маленько. Яшка, налей чайку гостю.

— Знать, и впрямь сесть придется,—сказал тот, спускаясь на землю и снимая фуражку.

Понемногу все стали втягиваться в беседу.

— И давно сторожишь Волгу?

— Да годков пятнадцать будет.

— Эге, да ты и гражданскую войну был здесь? — спросил Жиган.

— Быть-то был, да не при деле: движение по Волге тогда приостановилось.

— Что же ты делал?

— В Морквашах жил, в своем селе. Так... Перекола-чивался. Лодку имел, рыбу ловил.

— А в Жигулях война была? — вмешался Яшка.

— Проходили части... больше там, напрямки за горами. Бывала пальба и по берегу — военные пароходы шныряли.

— Чью руку держало ваше правобережье? — любопытствовал Вихор.

— Оно, конечно, в войне разбирались плохо; ну, все же нутром чуяли, что красные за нас. На той стороне — чехи... Опять же белые с ними... А белые за старое будут стоять: не за царя, так за господ; вот за тех, кому лучшие земли на Луке цари поразда вали. Не затем мы в пятом и семнадцатом году усадьбы громили, чтобы опять себе на шею господ посадить!

— А тебе не приходилось воевать? — допытывались ребята.

— Экий вы народ дотошный.

Гость допил чай, разгладил бороду, поблагодарил и ответил:

— Воевать не воевал, а случай был со мной, когда жизнь на волоске держалась.

Ребята насторожились.

— Расскажи, дядя Василий, коли не секрет! — сказал Сергей Иванович.

— Тут тайны нет... Расскажу, коль любопытно. Было это в восемнадцатом году, в начале октября. В ту пору слышно было, что Казань, Симбирск и Сызрань красные отбили у белых. Как сейчас помню, погожий выдался денек, не то 3-е, не то 4-е октября. Стоим мы двое-трое сельчан на берегу, недалеко от моей лодки, разговариваем. Глядим, а по деревне на рысях трое красноармейцев едут... Спросили что-то у бабы, которая им

с ведрами попалась; о чем-то поговорили с мужиком у ворот и прямо сюда, к нам. Подъехали.

— Здорово, товарищи!

— Здорово,—говорим.

— Что, чехов и белых не видно?

— Пароходы сторожевые, мол, проходили, а людей ни на том, ни на этом берегу не видно.

Набольший из них и спрашивает: — „А кто, говорит, из вас возьмется меня переправить на тот берег?"

Помялись мы, поглядели друг на дружку...—„Поедем"—говорю.

— А куда?

— Да вот, говорит, на лесозаготовки хотелось пробраться. Там на разработках приезжего народу много, со всей округой связь имеют, и про движение белых узнать кое-что можно.

А заготовки лесные верстах в пятнадцати-двадцати повыше Курумочи.

— Так собираемся, товарищ! И живо — скок с лошади, отдал повода сподручным и говорит: „Доложите командиру, что по правобережью вплоть до Морквашей противник не обнаружен. Про меня доложите, что я для выяснения о движении неприятеля отправляюсь в разведку на левый берег. Буду жив — к вечеру или утром постараюсь выйти на связь с дивизией через Бахиловский или Ширяевский буерак".

Козырнули ему молодцы и пошли двое на трех ковях обратно.

— Приодеться бы надо, говорит, товарищ: с кем на время, а может и навсегда, военным платьем на крестьянское поменяться можно?

Пошли мы ко мне на дом, да все это и спроворили. Не узнать молодца по одежке, а голова стриженая. Сел я на руль, он — в весла, и поехали. Два мешка пустых в лодку бросили, а в них краюха хлеба. Из оружия он взял только наган, да и тот в носовой ящик лодки запрятал.

Дорогой Смелов (это его фамилия) и говорит: „Чур,

не выдавать, коль влопаемся; едем в Бинарадку хлеба перехватить"...

— В какую это Бинарадку? — перебивает Женька.

— Да тут неподалеко село Мордовское — Старая-Бинарадка... оттуда много работает народу на лесозаготовках.

Только вот выплываем мы на стрежень — видим, пароход идет снизу, большой буксир, и идет ходко. Стали сближаться... Смотрим, а пароход-то бронированный: кругом с бортов кули хлопка уложены выше человеческого роста; впереди два дула орудий высунулись.

Мы приналегли на весла. Вдруг свисток.

Ужели нам, думаем? Плывем, не останавливаясь. Опять гудки ... И выстрел из винтовки.

— Дело дрянь, дядя Василий, говорит Смелов: — От погони не уйдешь. Придется остановиться. Помни уговор.

— При-ча-ли-вай к пра-во-му борту!!! — кричат в рупор.

Поднялись мы по лесенке в узенькую щелку между тюками, видим: человек 20—30 народу, все военные. Офицер с ними.

— Откуда и куда едете? — спрашивает.

— Так-и-так, мол, морквашские... за хлебцем в Бинарадку.

— Обыскать! — приказывает.

Повывернули у нас карманы, обшарили все, ничего не нашли.

— Осмотреть лодку!

Бросились они в лодку, мешки треплют, под лавки заглядывают.

— Наган! ваш-бродь! — кричат: — В носу лодки был спрятан.

Взял офицев этот наган, трясет им передо мной.

— Что, говорит, борода!? На хлебец менять наган собрался?

Тут как вскипятится Смелов: „Довольно, говорит, в прятки играть... Не боялся вас, чертей, раньше, не страшны и теперь... Красногвардеец я... разведчик. Делайте со мной что хотите, а его оставьте: он перевозчик и только“...

— Ну, это в штабе у нас выяснят: разговоры там с вами вести умеют. А вдвоем и на расстрел итти веселее будет.

Не успел эти слова сказать, как сверху тревожный звонок.

— Что такое? — спрашивает.

— Неприятельское судно, ваш бродь... не дальше 3-х километров.

Все обернулись на нос, а через дула пушек видно, как из-за Телячьего острова показался пароход. С виду казенный, на котором водяное начальство ездит. Идет здорово.

Раздалась команда.

— Номера, к орудиям!

— Приготовить пулеметы!

— Что прикажете делать с арестованными? — спрашивают.

— Запереть в матросскую!

Толкнули нас в комнатушку позади правого колеса.

В это время как ахнет орудие... Пароход, словно живой, вздрогнул. Через минуту — второе орудие.

— Ну, дядя Василий,—говорит Смелов: им теперь не до нас. Айда, лататы!

— А как вырвемся?

— Постой, погляжу.

Понатужился, открыл раму окна, осмотрел.

— Давай попытаемся пробраться к лодке: тут для ног упор есть — карниз палубный. А держаться сначала за окно можно, а там за тюки; изнутри парохода нас не будет видно. Ну, а заметят — прыгнем в воду, авось, до берега доберемся, если не пристрелят.

— Куда денешься, говорю: двум смертям не бывать.

Поправил на себя Смелов одежу половчее, захватил с полки ножик складной и... шасть.

Я за ним.

Добрались до лодки; а ее волнами из-под колеса подбрасывает.

Спустился в лодку Смелов и мне руку подал, говорит в ухо: „Ложись в лодку и головы не подымай. Я сейчас веревку обрежу".

Лежим в лодке, не выглядываем, а чуем, что она все спокойнее качается.

А там, за бортом, орудия ухают, хлопают винтовки.

Поднял Смелов голову, видит: отъехали порядком. — „Садись, говорит, дядя Василий, на корму".—Сам схватил весла и давай грести. Тут только команда буксира увидала, что не только лодка отвязалась, а с ней и пленники увязались. Захлопали по нас винтовки, да поздно: изредка просвистит какая пуля. Одна даже чиркнула по носу лодки.

— Лови в поле ветер! — весело сказал Смелов:—Теперь нас днем с огнем не сыщешь.

Тут в скорости залив, поворот на лесозаготовки...

Так и вырвались из лап белых.

— А как же пароходы? — вклинился Яшка. — Кто из них победил?

—Когда мы загибали в затон, видно было, что верховый пароход пересекал Волгу, брал обратный курс. Видимо, пушек на борту не было: слышны были только пулеметы. Ну, догнать его буксиру нельзя: он ходок хороший.

—Да у них, наверное, и задание-то было — обследовать скорее берега,чем воевать с пароходами,—сказал Сергей Иванович:—Лиха беда взять города, а пароходы сами придут с повинной.

— Как же вы расстались со Смеловым? — направил разговор Женька.

— Рабочие на лесозаготовках многое порассказали Смелову о белых, но ему хотелось поразнюхать, что делается сейчас в Курумочи, в Царевщине, и он с по-

путчиком уехал туда. На прощании крепко обнялись, удачи друг другу пожелали. А ночью я переправился в Моркваши.

—Ты, дядя Василий, после его не видал? Интересно, справился он с задачей?—спросил Жиган.

—Видались разок: заезжал он ко мне в Моркваши на обратном пути с востока, уж после замиренья. Дневка его части была в Самаре. В тот раз, когда мы с ним вместе мытарили, он важные вести доставил в дивизию 5-го числа, а седьмого—дивизия Гая... вошла в Самару.

—Разве Гай взял Самару?—спросил Вихор.

—Гай взял Симбирск, нынешний Ульяновск, —сказал Сергей Иванович.—А Самару взяла 4 я армия тов. Хвесина; она наступала из Пугачевска. Дивизия Гая вступила в Самару через три часа после занятия города армией т. Хвесина.

—Да... вот какие дела были,—в раздумьи сказал дядя Василий:—Одначе, я у вас засиделся, время заполночь, поди. Ну, пока. Уезжать будете—смотрите костер потушить не забудьте.

И он нырнул в темную чащу леса.

Давно солнце скрылось за горами. Уже яркие звезды блестели на потемневших небесах. В сгустившейся тени прибрежной растительности состязались соловьи. А на лесной береговой полянке еще горел костер. Смех и голоса далеко разносились по затихшим окрестностям. То пировала братва, заканчивая богатый приключениями день.

Ясный вечер не успел достаточно просушить омытую природу: было сыровато и компания решила скоротать ночь под тем гостеприимным вязом, который приютил их в грозу. Площадка под ним была достаточно суха, а набросанные за ведро сухие остатки прибоя сулили им удобные постели. Близка полночь. Приятели начали клевать. Меньше шуток, реже смех, прерывистей разговор. Наконец, костер погашен, и они на постелях. Но сон долго не мог одолеть их очи.

Шли часы. Чуть брезжило утро. Предрассветный ветерок крепчал. Чистое дотоле небо постепенно стало заволакиваться.

Компания спала. Серое утро близилось. Начинала дуть низовая. Из-за облаков не видно было солнца, но оно взошло: щебетанье птиц, дневные звуки, голоса, — все говорило о начавшемся дне.

Первым проснулся Сергей Иванович.

— О, щоб тебе лыхо було! А здорово проспали. Гей, хлопцы! Годи почюваты — треба вставать! Седьмой час, — сказал он, взглянув на часы.

Нехотя, потягиваясь, позевывая, просыпалась команда.

—Это ты, Вихор, своим судаком уложил меня на восемь часов, — послышался сонный голос Яшки.

— А мне что? Не ел бы — нам больше осталось бы, — отвечал Вихор.

— Довольно с него было бы и одного хвоста от язя, — загудел бас Жигана: — Пускай бы ел и плевался — там костей не перечтешь... А Яшкиной болтовни куда было бы меньше.

— А вы посчитайте, чьей болтовни больше: я одно слово сказал, а вы нацепили их, как колец на цепочку.

— Откуда ветер? — спросил проснувшийся Женька.

— Низовая... Фатых, как плечо?

— Не очень больно.

— Ты садись на руль вместо Яшки: тебе нельзя грести. А ныне работы будет достаточно.

Попили чаю, позавтракали. И вот компания снова на Волге.

Вахту несет первая смена. Лодка идет близко от берега. Низовый ветер рядами гонит волну за волной навстречу судну.

Жиган и Яшка напористо гребут. Лодка вздрагивает и с брызгами рассекает встречную волну.

Жигули плывут навстречу.

Пустынный берег между Морквашами и Жигулями начинает оживать. Видны известковые заводы Ширяевской группы — Богатырь, Ширяевец, Бурлак. Они

вгрызлись в самую кручу гор. Каменные разработки белеют издали.

Видны ползущие с горы и на гору вагонетки, дымят высокие трубы, и как муравьи снуют люди.

Но Ширяевский буерак еще скрыт за плечом Жигулей.

Влево, ближе к темному далекому бору, видна Курумочь. Между нею и коренною Волгой все более обнажалась песчаная грива.

Небо начало проясняться. Сплошное серое полотно облаков рвется клочьями, и в просветы все чаще начинает глядеть летнее солнце.

Сила ветра ослабела. Становилось теплее. Гребцы взмокли: пора им дать отдых. Берег здесь довольно каменистый и однообразный и Сергей Иванович берет курс на песчаную гриву, ближе к левому берегу Волги.

Мелкие волны набегали на ее пологие берега. Все острие песчаной косы было занято табором чаек. Они летали, садились, плавали.

Лодка направилась к середине гривы, где берег был круче и была возможность подвести лодку к нему вплотную.

Причалили. Решили припасти все для обеда, а пока согревается вода в чайнике, выкупаться.

Сказано — сделано.

Купанье здесь было прекрасное — постепенно нарастающая глубина и чистый пляж. Приятели плавали, ныряли, валялись по песку. Не купался только Фатых: раны его были еще болезненны. Он бродил по песчаной гриве. Вдруг он закричал, замахал руками и бросился бежать зигзагами.

Купальщики, не одеваясь, бросились к нему. Женька и Вихор впереди, за ними Сергей Иванович и далеко позади — Жиган и Яшка.

Когда компания догнала Фатыха, она сначала не разобрала в чем дело: казалось, что Фатых гоняется за песчаными комочками, а комочки бегают.

— Да ведь это выводки чайки! — весело сказал Сергей Иванович.

Ребята бросились ловить птенчиков.

Маленькие пушистые детеныши чайки до того напоминали окраской песок, что когда неподвижно лежали на песке в нескольких метрах от наблюдателя, трудно было сказать; песчаные ли это бугорки или живые существа.

— Вот тоже и в наших песчаных Кара-Кумах, — сказал Сергей Иванович, — ящерицы, змеи, фаланги — все цвета песка.

В это время мимо пролетела чайка с рыбкой во рту. Заметив людей, она тревожно крикнула и стала летать над головами молодых натуралистов.

Крики услышал табор чаек и через несколько минут десятки их с писком вились над голыми туристами. Многие чайки с пронзительным писком снижались над головами людей и, казалось, вот-вот клюнут. Однако, все же в бой вступать не решались. Но своим надоедливым писком, полетом и движением в воздухе они создавали такой шум и беспокойство, что голая компания решила отступить. Пухлячки были осторожно пущены на песок и компания удалилась под конвоем чаек, которые долго не могли успокоиться.

Спустя полчаса приятели сидели за чаем. Со стороны левого берега им хорошо было видно Ширяево и далее к югу — Жигулевские ворота, огражденные с одной стороны Серной горой и с другой — Тип-Тявом.

— Сергей Иванович, от Ширяева есть проезд в горы? — спросил Вихор.

— Есть. Буерак идет далеко на запад. Здесь когда-то „ширяли" молодцы и в воротах волжские суда купцов от груза облегчали. А когда спокойнее стало, так Ширяево, Подгоры, Выползово и само Рождествено в руках монастырей, патриарха да дворцового ведомства очутились. Приволью волжскому позавидовали. Вся эта братия не только о душах, но и о животах своих дородных заботу имела. А чтоб зазорно не

было, так Ширяеву и имя другое дали — Богоявленское.

— Из этого села поэт Ширяевец? — спросил Женька.

—Да. Александр Васильевич Абрамов - Ширяевец из этого села был. Читали, что он писал про это село?

В междугорье залегло
В Жигулях мое село.
Рядом — Волга плещет, льнет,
Про бывалое поет.
Супротив — Царев курган
Память сделал царь Иван.
А кругом простор такой,
Взглянешь — станешь сам не свой.
Все-б на тот простор глядел,
Вместе с Волгой песни пел.

Царев курган.

— Поэт считает Царев курган постройкой Грозного, тогда как на самом деле Курган — отрезок Жигулей. Волгу загораживали Жигули, и она текла по долине Сока туда, в обход Соколовых гор. А потом пробила себе прямой путь через Жигули, на юг. Вот остаток, отрезок и есть Курган.

— А эти заводы против, чьи?

— Стромтреста. Его же и гудронный завод на Бахиловой поляне, тут за горами.

— Что же они все рядышком?

— Это комбинат: и камни, и известка, и алебастр. Ведь Жигули такая строительная база, которая будет питать край сотни лет.

Плес волжский здесь был значительно оживленнее. Волгу пересекал, направляясь в Ширяево, пароход пригородного сообщения.

Ниже от Жигулевских ворот шел караван нефтянок Сверху обрисовался белый большой пароход.

Сергей Иванович заторопился.

— Сегодня нам нужно добраться до Красной Глинки. Там мы переночуем у моих знакомых и подкормимся. Хлебца-то у нас тю-тю... да и остальной снеди — жалкие крохи.

— А если б в Ширяеве добавить?— предложил Жиган.

— В Ширяеве, брат, ничего не купишь: народ малохлебный, больше на промыслах работает. И на остановку времени нет.

— А в Царевщине? — спросил Фатых.

— Там лучше. Но Красная Глинка рядом: в Царевщине не стоит останавливаться.

— Скоро Самара, — вставая и потягиваясь, сказал Яшка.

Все стали собираться.

Покойная гладь Волги, как огромный конвейер, неустанно двигалась вперед, увлекая за собой вниз плоты, беляну и ту самую лодку, на которой ехали наши приятели. Вихор и Женька не торопясь взмахивали веслами; Фатых левой рукой управлял рулем.

По мере приближения лодки к левому берегу, медленно на север уходило Ширяево, снижалась Серная гора; наоборот, ясно выступала Царевщина с ее курганом и все более вырастал Тип-Тяв, мимо которого далеко на восток уходили разливы Сока. Сквозь лесную зарость подножья Соколовых гор там и сям виднелись

крыши красноглинских дач. Вправо, вплоть до высот Жигулей, огибая острова, виднелись просторы волжского разлива, объединившего и коренную Волгу и Воложку.

Глядя на эту видимую ширь, Сергей Иванович говорил:

— Покатаемся ныне, пока возможно... А завтра человеческий гений возьмет в оборот великую реку, да и заставит течь ее не туда, куда ей хочется, а куда ему, человеку, нужно... И оправдаются слова Безыменского про мощь и силу синих блуз:

„Море и реки направим
Мы по иному пути".

— Это про Волгострой? — спросил Жиган.

— Про него.

— Где, как это? — ввязался в разговор Яшка: — Откуда ты, Жиган, знаешь?

— Да у нас на комсомольском собрании отдельный доклад про это ставили.

— Рассказывай.

— А вот, где мы едем, Яшка, — ответил за Жигана Сергей Иванович: — между Соколиными горами и Жигулями протянут бетонированный поясок — плотину километра в два три длиною, да подпояшут матушку-Волгу. И пойдет она набухать. Часть воды через плотину пойдет, а часть в шлюзы. Станцию громадную электрическую здесь же поставят.

— Этак она разольется, как в половодье: луга затопит, — сказал Вихор

— Затопит, Вихор. Убытки наделает, но пользы принесет столько, что и не перечесть. Перевернет, изменит лицо нашего края.

— Как же, Сергей Иванович, пароходы-то ходить будут? — недоумевал Женька.

— В шлюзы.

— А плоты, а баржи, беляны?

— Годи трошки, хлопцы. Воды за плотиною скопится почти на 10 метров выше обыкновенного уровня, и Волга широко разольется, даже выше Ставрополя.

По долине Усы будет проведен канал с уклоном к Переволокам, и много волжской воды пойдет туда. Там, у Переволок, для спуска воды в Волгу устроены будут огромные шлюзы. Здесь же оснуется вторая мощная электростанция. Грузы, которые идут не в Самару, а мимо, будут направляться по Усинскому каналу. А это сократит расстояние.

— Эх, и силища же! — сказал Жиган: — Смотрите, как она здесь, в воротах, прет.

Плоты на Волге.

Лодка обогнала огромный плот. Его сносило вправо к о тровам. Несколько плотовщиков работало на пе , ием члене, занося огромные весла. Большая группа их тянула канат на кормовом члене.

— О-о... еще... нейдет-пойдет...О-о ... еще... Идет... Идет... — мягко доносились низкие звуки голосов.

Плот искривлялся ломаной линией, стремясь отойти к левому берегу.

Слева хорошо виднелся отвесный берег Красной Глинки, с пристанью и подходящим к ней пароходом. Соколовы горы огромным лесистым увалом уходили на юг.

Наши туристы решили причалить у пристани, сдать лодку на хранение, а самим подняться на берег.

С приходом парохода берег оживился: по сходням непрерывным потоком двигались пассажиры, прибывшие из города. Встречавшие родных и знакомых и просто глазеющая публика заполняла палубу дебаркадера.

Лодка подплывала к сходням для причала. В числе публики сходил с парохода мужчина в шляпе, прорезиненном пальто и с портфелем.

— Николай Васильевич! — громко закричал Сергей Иванович с лодки.

Тот взглянул в сторону лодки и приветливо улыбнулся.

— К нам, конечно? — спросил он.

— Не откажи приютить меня и команду.

— Что за вопрос! Само собою разумеется... Терраса у нас большая: разместимся все. Да ты откуда свалился?

— Кружил около Жигулей. Вот теперь ко дворам пробираемся.

— О це добре. Так, что ли, по-твоему? — шутил он.— Ребята, забирайте все и гайда к нам. Я пойду вперед предупредить своих.

Прямая и ровная просека со столетними дубами посередине в конце своем постепенно понижалась, переходя в овраг. Сухой по летам, ныне подпертый разливом реки, овраг был затоплен водою; узкий, зыбкий мосточек вел на другую сторону; там, на береговой полянке, и был расположен бекет: домик в три окна, крытый тесом, хорошо срубленный, забор и двор.

На лавочке у передних окон на солнышке сидел лесник и чинил узду. Двое детей—мальчик и девочка—возились в песочке. Старая бабушка кормила кур.

Сергей Иванович и Жиган подсели к леснику на лавочку.

Остальная компания выражала нетерпение.

— Сергей Иванович,— говорил Яшка,— мы хотим на гору взобраться — она рядом.

— Опять за орленком? — спросил Сергей Иванович.

— На ней голая вершина · гнезда нет, — ответил смущенный Фатых.

— Смотрите, недолго.

— Они успеют вернуться, — сказал лесник: — Тут рукой подать.

Голоса ребят удалялись. Лесная тропка, ведущая к Тип-Тяву, становилась каменистее. Деревья у подножия гор имели прогалы, и солнце достаточно припекало в просветы.

Женька шел впереди. За ним следовал Вихор. У него в руках была палка метра в полтора длиною, с которой он шел и по просеке. Дальше — Яшка и в хвосте — Фатых.

Женька весело болтал. Вдруг около него что-то зашипело. Быстро взглянув вниз, Женька остолбенел. На камне, у самой дорожки извивалась большая змея. Шумная компания потревожила покой греющейся гадюки. Она приподнялась на хвосте, готовая броситься на ребят. Женька не мог отвести испуганного взора от неподвижных зеленовато-фосфористых глаз ядовитой змеи, но сильный удар палкою по поднятой голове отбросил змею на дорожку.

Это сделал Вихор, который оттолкнул Женьку в сторону и с криком бросился на змею. Раненая змея кольцом извивалась на дорожке. Яшка и Фатых бросали камнями в это вьющееся тело. Новый удар Вихра палкой размозжил змее голову. Еще некоторое время слабо двигался конец хвоста змеи, и тело ее стало неподвижно.

Это была каменная гадюка, около метра длиною. Желтовато-серая окраска тела, со стальным отливом, делала ее мало заметной, когда она лежала на камнях

и грелась на солнце. Через весь хребет туловища проходила темная полоса, состоящая из правильных ромбовидных пятен. От удара камнями по желудку внутренности змеи разорвались и обнаружили заглотанную ею лесную мышь.

Женька начинал приходить в себя и оживляться.

— Ты что это выстроился перед змеей? — сказал Яшка: — или она тебе сказала „будь готов?"

— Я и не знаю, что со мной случилось, — сознался Женька: — Уж очень неожиданно. Я змей живых не видел.

— Это бывает, — говорил Вихор: — Застанет случай врасплох — растеряешься. А таких змей у нас на деревне мы не мало перебили.

Разговаривая о происшедшем, приятели взбирались все выше и выше.

Огромная гора неправильной четырехгранной усеченной пирамидой возвышалась над окружающими ее увалами гор. Восточной своей стороной она срасталась с хребтом Соковых гор которые уходили на восток вдоль берегов Сока. От крутых склонов волжской гряды Соколовых гор, ее отделял змеиный овраг, тот самый, который перешли наши туристы, направляясь к леснику.

Подъем на Тип-Тяв был не особенно труден: высота горы не превышала 200 метров. Не прошло 15-20 минут, как с вершины горы послышались голоса ребят.

— Ау, Жиган... Сергей Иваны-ы-ы-ч! — нестройным хором неслись голоса.

Четыре разноцветных лилипута стояли на каменистой вершине и махали руками.

— Домо-о-о ой! — трубой гудел в ответ бас Жигана.

Через четверть часа туристы все были вместе.

— Знаешь, Женька, у пионера в пути при себе должны быть три вещи: галстук, палка и за-кал-ка, — сказзал Сергей Иванович

— А если б змея укусила Женьку, — кричал Яшка: — Смерть?

— Смерть — не смерть, а хлопот наделала бы.

— Как же быть, если укусит?

— Надо спросить санкома... Ну, Женька, рапортуй.

— Прежде выдавить как можно больше крови, чтоб яд вышел, — отвечал повеселевший Женька: — промыть ранку, туго перевязать на изгибе и — в больницу.

— Слыхали? — сказал Сергей Иванович. — Все-таки опасность большая, хотя яд змеи, как и насекомых, весною менее ядовит, чем в июле, августе. Помните, когда муха больнее кусает? Счастье твое, Женька, что змея была сыта: ты ее потревожил во время переваривания пищи — в этот момент она малоподвижна.

Они подходили к даче Шатрова.

Вечером, когда возвратились с купанья, хозяева и гости долго сидели за чаем на террасе.

А раннее утро застало наших туристов далеко в пути.

Вот и Коптев овраг.

— Эх, как здорово дует! — кричал Яшка: — И ветер холодный.

— Ветер знает, что ты всегда горячишься, — заметил Жиган: — Вот и остуживает.

— А ты когда застудился? — возражает Яшка. — Кто тебя слушает — всяк думает, что у тебя три ангины в глотке застряли.

Увал Соколовых гор подходил к концу — Лысой горе. Хотя лесистые кручи шли и дальше к Барбашиной поляне, они были уже значительно ниже и не представляли ничего примечательного, тем более, что лесная поросль после пожаров 20-21 года недостаточно отросла.

Поляна приближалась.

— Есть и про Барбашину легенды, Сергей Иванович? — спросил Женька.

— Есть и про нее. Легенда говорит, что здесь жил когда-то разбойник Барбаш. Место для вольницы — находка: и вверх и вниз видно далеко. А рядом леса, овраги, трущобы: есть где схорониться, если сила не возьмет.

Тому в подтверждение и находки были: когда строилась вон та белая дача... Видите, словно Афинский Акрополь... Так, при рытье погреба в каменном грунте нашли могилу, а в ней три скелета — один необычайно большой, около 11 четвертей, другой значительно меньше, видимо, женщины, и детский скелетик. Кроме того, меч, острия копья, стрел. Лет пять-шесть тому назад местные археологи раскопки здесь производили. Найдено кладбище. Повидимому, когда-то здесь был поселок народа финского племени.

В это время, вдруг, где-то в лесу раздалась дробь барабана. Теперь с лодки была видна вся Барбашина поляна. Слева от нее по лесистому склону берега виднелись ряды палаток: здесь был разбит пионерский лагерь.

Выстроенные шеренгой, пионеры начинали свой рабочий день. Они перестраивались в колонны, проходили мимо группы вожатых, стоящих у высокого флагштока, на котором был поднят красный флаг.

— Всегда готов! — слабо доносился дробный звук многих детских голосов.

Колонны расходились по разным направлениям, очевидно, для выполнения различных заданий. Одна из колонн шла по направлению к берегу.

Внизу под кручей стояли лодки.

Слышно было, как колонновожатый отчетливо отбивал шаг: — Ась-два!... Ась-два!...

— Вот чего мы не знали, когда росли! — сказал Сергей Иванович. — Этого общения с природой, закалки, практики самостоятельной коллективной жизни.

Лодка обходила Барбашинскую пристань.

От берега вверх шла широкая, со многими маршами цементированная лестница вплоть до площадки, на которой стоял каменный, двухэтажный дом с плоской асфальтовой крышей — Дом отдыха Страхкассы.

Группа отдыхающих виднелась на крыше, на терасах, на площадке, перед домом.

— Вот и этого не знали вы, Сергей Иванович, когда были в нашем возрасте, — сказал Жиган.

— Ты прав, Федька... Пятнадцать лет тому назад эта дача принадлежала миллионеру Шихобалову, который дачу построил, а жил больше за границей.

Дом отдыха страхкассы

— Так зачем же было строить? — заметил Вихор.

— А соревнование-то? Не социалистическое, конечно, а самодурства купеческого. Сначала наши самарские миллионеры кутили да зеркала по гостиницам били, кто лучше „отчубучит"; на рысаках по Дворянской гонялись; потом завели авто. А перед войной на дачи мода пошла; все толстопузые на Волгу повылезли. Один перед другим дачи наславу строили. Ведь вот Шихобалов... Ему одна земля под дачу больше ста тысяч стоила, да дом, в котором и жить-то не приходилось. А теперь в нем сотни трудового народа отдыхают, ремонтируют свое здоровье для нового напряженного труда.

Между тем приближение города чувствовалось все осязательнее: пароходы дачные, дальнего следования,

моторные и простые весельные лодки, сплавные суда оживляли плес Волги.

Берега с дачами тянулись навстречу лодке. Уже видны корпуса и трубы завода № 42. Ближе к берегу, на месте прежних лагерей—рабочий городок с одноэтажными деревянными двухквартирными домиками. Силикатный завод вклинился в кручи, бывшие Аннаева. Среди массы городских зданий, амфитеатром поднимающихся по склонам—берега, выделялись огромные четырехэтажные корпуса квартир рабочих.

Приятели, занятые мыслями о предстоящей встрече дома, равнодушно смотрели на знакомую панораму города.

А берега все шли. Показались остановленные плоты. Лесопильный завод.

Через четверть часа лодка подошла к причальной будке у городского сада.

Туристы стали выгружаться.

— Ты, Женька, приведи в порядок путевой журнал, — говорил на прощанье Сергей Иванович.— А часов в шесть давайте соберемся в школе и проработаем отчет о поездке.

— Есть, товарищ командир! — отозвалась братва.

— А пока-ж бувайте здорови, хлопцы!

И они разошлись.

Сергей Иванович повернул влево, к рабочему городку; ребята взяли крутизну берега в лоб. Они вместе вышли на Советскую и скрылись в шумном потоке городской жизни.

СЛЕДЫ ПРОШЛОГО

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ЛУКИ

„Ничто не вечно под луною"—говорит пословица, как не вечна и сама луна — добавим мы. Все изменяется в подлунном мире, на земле изменяются даже такие устои, как горы: выветриваются, разрушаются, снижаются. Изменяется и самый климат земли: и он, вместе с охлаждением земли, постепенно становится холоднее. Но на отдельных участках земной поверхности, под влиянием поднятия или опускания суши, изменения направления морских течений и др. причин, возможны временные отклонения закона природы.

Так, много тысячелетий тому назад наш материк — Европа — испытал большое охлаждение в климате: такие страны как Англия, Германия, Норвегия и пр., ныне пользующиеся мягким морским климатом, были когда-то покрыты ледниками. Ледники охватывали весь северо-запад Европы и шли на восток. На территории СССР они доходили до тех мест, где ныне стоят города Чернигов, Казань, и далее уходили на северо-восток, к горам Урала. В некоторых местах эти ледники имели толщину не менее километра. Об этом ледниковом периоде говорят многочисленные валуны-камни, разбросанные на поверхности земли этого края, сглаженные склоны гранитных гор и целые системы пресных озер, расположенных на местах пребывания древних ледников, в особенности в Германии, Финляндии и у нас, в северо-западном крае.

Прошли века, тысячелетья, и вновь началось потепление климата.

Изменилось ли положение земной оси, появилось ли к тому времени течение Гольфштром, сказать уверенно нельзя; но все это могло быть.

Ледники таяли; могучие потоки стремились из-под них по уклонам в более низкие места. Эти потоки образовали русла многих рек и большие скопления пресной воды — озера.

Но ледники не только давали начало потокам, а и холодным ветрам, которые дули с ледяных накоплений на юг и юго-восток и несли с собой мельчайшую пыль с горных высот. Там, где эти ветры ослабевали в своем движении, стихали, — пыль отлагалась в течение веков большими толщами. Таковы, например, по словам ученых, сырты (увалы) на южных границах нашего Средневолжского края.

В это время великого обледенения в Европе и у нас, на Средней Волге, уже жил человек: следы его пребывания сохранились в горных пещерах, в которых обитал он; в песчаных речных наносах (дюнах), — на месте временных стоянок первобытного человека, — и в устьях крупных оврагов, упирающихся в речные берега, — всюду, где удобно было человеку найти себе приют и пищу.

Каменные молотки, ножи (чаще из кремня), копья, остатки костров (зола), кости, — вот что обыкновенно служит приметой когда-то бывших здесь становищ человека.

Особенно интересная находка была сделана в горах Германии, в долине р. Везера: там в пещере были найдены не только орудия каменного века, остатки костра, кости животных, но и рисунки на стенах пещеры, изображающие моменты охоты на дикого коня и оленя.

Такие остатки становищ первобытного человека неоднократно находили и у нас, на левом берегу Волги и по течению р. Самарки в песчаных дюнах. На правом

берегу, мало исследованном, таких находок не обнаружено: нужно думать, что на каменистых берегах правобережья эти следы человека смывались разливами и не могли сохраниться до нашего времени.

Как и чем жил первобытный человек в нашем крае? Судя по местам находок остатков его быта, можно заключить, что постоянным его жилищем служила пещера; в пищу употреблял он съедобные коренья, плоды, ягоды и мясо тех животных, которые водились в лесах и степях, и рыбу.

В лесах и долинах наших рек в те далекие времена обитали огромные мамонты, исполинские олени, волосатые носороги; по степным местам паслись дикие быки и кони, множество зверей в лесах. Кости всех этих животных ежегодно вымываются разливами Волги и ее притоков.

В наших реках и сейчас еще много рыбы, а в те времена она водилась в изобилии. Поймать ее не составляло большого труда. Правда, плохое оружие имел древний человек, но у него был разум. Западни, силки, загоны, сети, огонь и пр. давали ему возможность выходить победителем из борьбы с гигантами животного царства; тем более, что человек жил не одиноко, а целыми родами.

Шли века. Опытнее, изобретательнее, умнее становился человек: он научился изготовлять себе оружие, предметы украшений и хозяйства из бронзы, овладел искусством делать глиняную посуду, а гораздо позднее сумел из железной руды получить и чугун, и ковкое железо, и твердую сталь.

Такие изделия из бронзы и глины встречались в находках и на Самарской луке, при чем глиняная посуда часто имела веревочные украшения (отпечатки узора на глине), подобные тем, какие встречаются на глиняной посуде у народов Приуралья, финского племени. Значит, древнейшими поселенцами Самарской луки было финское племя. Помимо находок в земляных наслоениях (культурном слое,) на горах приволжских

скал сохранились остатки укреплений—городища. Очевидно, у жителя правобережья были враги—лихие люди.

К числу самых древних таких городищ нужно отнести укрепления на Белой горе у с. Подгоры, на Каменной козе, между селами Ермачихой и Винновкой. Городища эти не велики по размеру—не более (30×40)—1200 кв. метров.

Построенные на вершинах утесов, они с трех сторон совершенно недоступны (крутые скалы), а с четвертой, напольной стороны, возможной для подхода, отгорожены были глубоким рвом и валом, на котором стоял тын из толстых бревен. Здесь же были и ворота, вход в укрепление. В такой крепостце удобно было сохраниться от врагов, можно отсидеться, защищаться от нападающих. Но долго жить здесь было нельзя: не хватит ни воды, ни провианта; да и сама крепостца слишком тесна для долгого житья. Значит, городище выполняло только срочную задачу—укрыться на время: прослышат поселковцы, что враги близко, захватят с собой самое необходимое, попрячут из имущества что подороже, потяжелее и... тягу... сюда, на неприступные приволжские высоты. Уйдут враги— и снова в свой поселок на мирный труд.

Что это действительно было так, показывают остатки поселений, найденных в раскопках у с. Новинки, у оврага Большой Крутенький, у Виннозки, недалеко от таких укрепленных городищ.

Есть на волжских высотах укрепления и более обширные, лучше защищенные, но они, судя по найденным предметам украшений, оружию, монетам, принадлежали народу культурному, жившему уже в исторические времена, т. е. тогда, когда человек владел грамотой и оставлял письменные сказания о том, как жили народы того времени. То были камские болгары, которые тысячи за полторы лет до нашего времени завладели Средней Волгой, в том числе и Самарской лукой. Про них говорится и в русской летописи, как с ними воевали киевские князья—Святослав и его сын

Владимир, жившие около тысячи лет тому назад. После этого народа сохранились остатки городов с каменными постройками и укреплениями. Таков, например, Болгар, или Булгар Великий — столица болгарского царства, развалины которого видны близ села Болгары в 6-ти километрах от Волги, в 20 километрах от Спасского затона. Болгарские укрепления на Волжских высотах видны на Лысой горе у д. Моркваш, на горе Манчихе у с. Подгор и на горе Ош-Пашда, близ с. Шелехметь. Эти городища значительно обширнее тех, которые описаны ранее, а оборонительные сооружения — валы, рвы, стены — более сложны. Они говорят не только о большом искусстве строителей, но и большой опасности, которой подвергались жители края.

Но защищенное со стороны Волги неприступными скалами и городищами, население Луки могло подвергнуться неожиданному нападению врагов с запада, со стороны р. Усы. И действительно, почти от середины Усы идут удобные для прохода буераки (широкие овраги-балки), по которым возможно добраться до населенных мест прибрежной полосы. Поэтому там, где ныне стоит село Валы, стояла болгарская крепость „Муромский городок", как его ныне называют крестьяне.

Кто же эти враги, которых опасались и древние финские племена и покорившие их болгары?

Городки финских племен, как и укрепления болгар, сторожили берега Волги. Следовательно, отсюда ожидался удар врага. Напасть могла не только ватага волжских удальцов, „гулящих людей", но и те кочевники, которых скрывали широкие просторы заволжских степей. В течение многих столетий и даже тысячелетий (2-3 тысячи лет тому назад) через эти степи постоянно передвигались народы Центральной Азии на запад, в южно-русские и дунайские степи: скифы, сарматы, гунны, позднее печенеги, половцы и пр. кочевники. Иные из них, как башкиры, киргизы

напрочно оседали в степи и Приуралье и беспокоили своими набегами оседлое, пограничное население. Но враги приходили и с другой стороны: соседние славянские племена, жившие на юго-восток от Самарской луки, под предводительством своих воинствующих князей не раз разоряли болгарское царство.

Так было до первой половины тринадцатого века, когда из той же Азии прикочевали сюда татары. Орда Хана Батыя в составе почти триста тысяч человек (считая жен и детей), в своем движении на запад полонила царство болгарское, смела с лица земли его укрепления и города. Да и самый народ болгарский исчез: ныне нет отдельного народа камских болгар, хотя некоторые историки склонны считать современных чуваш потомками камских болгар.

С половины XVI века, т. е. четыреста лет тому назад, на берегах Волги в Жигулях начали появляться и русские. Это были смелые люди, которые там, дома у себя, не мирились с гнетом царским и с боярским. Где ни жить им—хуже не будет. Часть их пополняла ряды береговой казацкой вольницы, часть ютилась по тем буеракам и воложкам, где и сейчас стоят многие села. Леса дремучие, земля, а больше Волга-матушка питали смельчаков. В это время леса изобиловали всяким зверем, Волга—рыбой и по Волге же по летам шли караваны купецкие снизу, от моря Хвалынского (Каспийского)

„...тянули барки бурлаки"...

Да и сверху сплав на низ не обходился без людей. Бурлачество давало заработок тем, кто мало держался за землю и не знал ремесла.

К тому времени торговый капитал имел живую связь с побережьем Каспия. Нижняя Волга и ее устья издавна были местом международного товаро-обмена. Еще Итиль, древняя столица Хозарского царства, видывала у себя по летам купцов с товарами из далеких мест Восточной Европы и Средней Азии: и полудиких славян, и камских болгар, и народов Турке-

стана, Кавказа и Персии. Торговой дорогой с севера на юг была та же Волга.

Татары, овладев прикаспийскими степями (в 13 веке), нарушили эту связь. Однако, щупальцы капитала продолжали проникать не только во все места побережья, но по ордо-базарным дорогам и в глубь степей

Старинные суда на Волге.

ногайских и калмыцких. Капитал выкачивал соки кочевого и оседлого населения и закабалял тысячи народа на разных видах человеческого труда, в том числе и труда бурлацкого. А по пятам за капиталом шла и власть царская, захватная: воеводы царские и дьяки приказные штамповали новые поселки и местечки, заносили их в книги доходные, облагали поборами, закрепляли новые места крепостями да острогами, в особенности на пересечениях торговых путей.

К числу самых ранних русских поселений на Луке следует отнести Усолье, Жигули, Ермачиху. Народная молва основание двух последних сел приписывает атаману Ермаку и его есаулу Кольцо. Здесь когда-то, по преданию, жили эти вожди понизовой вольницы вместе с своими удалыми товарищами. Отсюда они производили налеты на купецкие караваны и страх держали над движением судов вокруг Самарской Луки. А это должно было быть во второй половине XVI века, когда теми же атаманами было завоевано и царство Сибирское.

Еще более древним поселением должна быть Переволока. Ведь этот сокращенный путь на перерез Луке был волгарям известен давно, и на месте переправы судов с Волги на Усу не могло не быть поселка. А с 1614 г. по указу Москвы здесь построено было маленькое укрепление для охраны торгового пути.

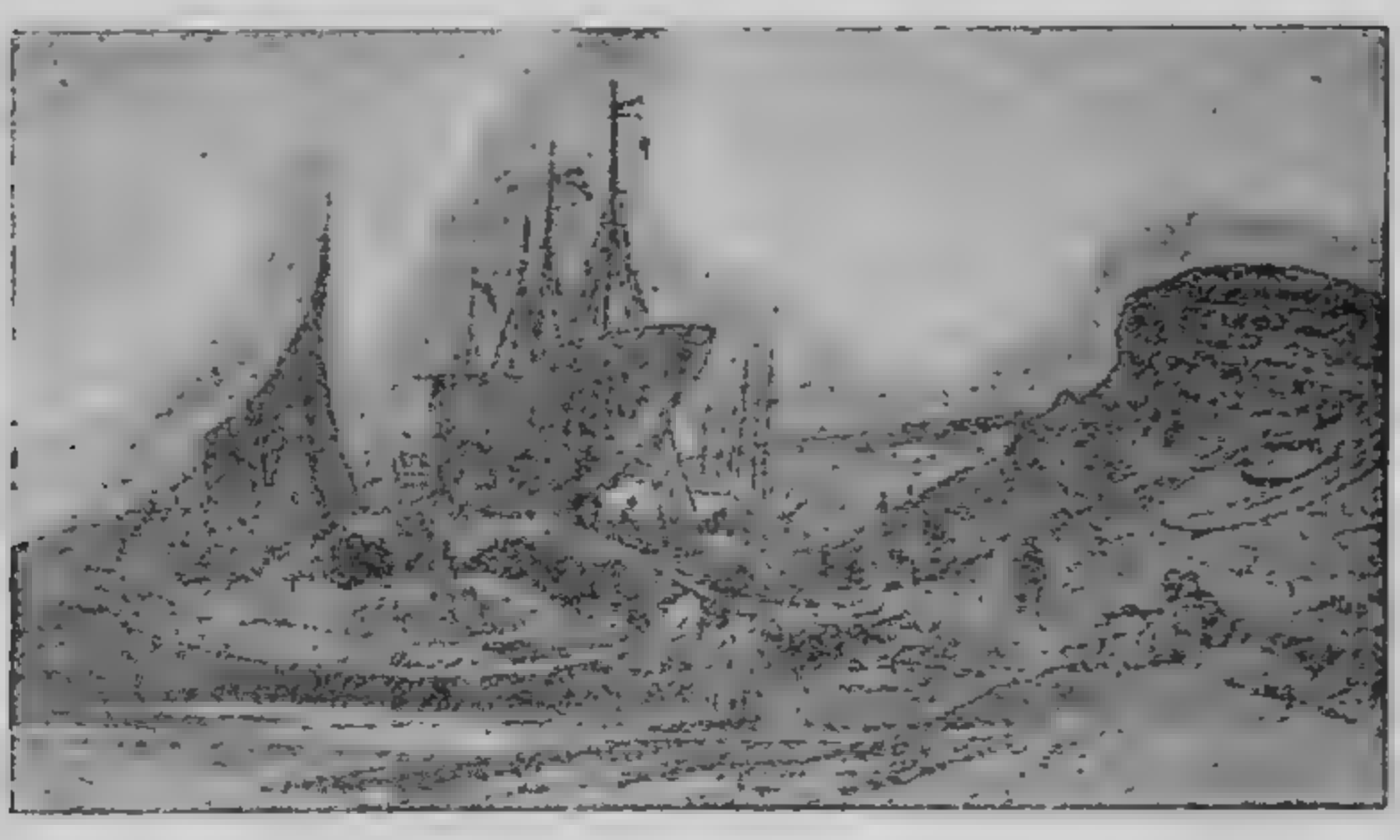
Позднее других появилась Старая Рязань и другие поселки внутренней части Луки; уже самое название этих сел говорит за то, что основателями их были выходцы из Рязанской губернии.

Но несомненно, что самыми ранними посланцами на волжские берега была удалая вольница, „казаки". Они вербовались из тех обездоленных бурлаков, пришлых рабочих и крепостных людей, для которых жизнь была лютой мачехой.

В ней, в этой вольнице, находил себе выход народный гнев; то был протест людей, придавленных тяжелой стопой капитала и царизма.

На высоких скалах курганов стояли дозоры волжских атаманов. Из своих засад вольница могла неожиданно нападать на зазевавшийся караваны стругов. Грозный окрик их: „Сарынь на кичку" заставлял покорно падать ниц всю челядь баржевую и бурлаков на берегу; купцы же—хозяева—торопливо клали поклоны перед иконою (в горенке под палубой) и спешно высылали откуп с доверенным. А нарвутся волжские молодцы на стрелецкую охрану—ищи их и

свищи в лесистых изломах Жигулей, где и днем по лесным тропам и дорожкам идти жутко. Самым страшным местом на Волге для купеческих караванов считалось устье Усы.



Старая пристань на Волге.

Когда же стало на волжских берегах поспокойнее да полюднее, потянулись сюда и рядовые землеробы: одни своей охотою, а больше всего неволею.

Самарская лука к этому времени „милостью" царей становится:

именьями боярей родовитых,
угодьями монастырей,
казны богатой патриаршей
иль вотчиной царей. *)

Крепки были цепи, наложенные царскими законами на крепостное крестьянство; из года в год хирело крестьянство, отдавшее весь свой труд барщине; копилось и нарастало горе порабощенного крестьян-

*) с. Рождествено принадлежало патриарху. Подгоры—дворцовому, ведомству, Ширяево—Симоновскому монастырю.

ства, глубоко в его память внедрялись господские обиды. И как подо льдом реки незримо скапливаются вешние воды, так росло и набухало недовольство крестьянства против помещиков, чиновников, всего того, что говорило ему о бесправии.

Нужен лишь толчок извне, чтобы разорвалась гнетущая покрышка жизни и бурно вылился наружу скопившийся народный гнев.

И такие толчки неоднократно были: восстание Степана Разина (1670 г.), Пугачева (1773 г.).

Буксировка судов на Волге.

Позднее царское правительство вынуждено было раскрепостить крестьянство. Но посаженное на малоземелье, на землях истощенных, мало удобных, крестьянство попало в кабалу экономическую: высокая аренда земель, непосильные налоги и поборы поставили его в зависимость от того же помещика-землевладельца, мужика-кулака или купца-богатея. Восстания 1905 г., погром помещичьих усадеб показал, что

недовольство крестьянства не изжито и попрежнему жгуча его ненависть к захватчикам природных богатств. Вместе с рабочим крестьянин стал понимать, что в его нуждах виноваты не отдельные лица, а вся система управления царя да жандармов, до полицейского включительно.

Успокоение после революции 1905 г. было недолгим; в 1917 г. октябрьская революция смела власть царскую и ее приспешников и вывела крестьянство на путь социалистического переустройства деревни.

Все эти этапы борьбы испытала и Самарская лука. События последних столетий несколько изменили состав населения Луки.

С нарождением заводской промышленности постепенно стало здесь расти количество рабочих.

Пятилетка, Волгострой, колхозы и совхозы сильно разовьют промышленность на Луке в ближайшие же годы и значительно изменят быт населения, превратив Луку в индустриально-аграрный уголок нашего края.

КАК ЗАРОДИЛАСЬ САМАРА

НАБРОСОК

Просторны степи ногайские! От самого Яика (р. Урала) до Волги и от моря Хвалынского до Камы-реки разметнулись они по поволожью.

Лесными тенистыми водоразделами подходят они на севере к хмурой Каме; а дальше, на юг волнистой гладью по сыртам и увалам идут они к Большому Иргизу. Далеко за ним, на полдень, ровным ковром-скатертью разостлались степи до самых солончаков и песков, за которыми лежит и то море Хвалынское (Каспийское). Темно-зелеными пятнами пестрят по степям лесные колки и гаи, округлые шиханы ковылем серебрятся, зеркала озер из зеленых рам камышей на солнце поблескивают. Текут по ним и реки быстрые, лесной уремой поросшие, текут, извиваются к морю Хвалынскому, к Волге широкой струйки свои светлые довести торопятся. Да не у всех у них пересечь раздолье степей силы хватает: нет-нет да и свернут от устатка в сестру-реку сильную и притоком ее на весь век свой запишутся. Только Черемшан — река лесная, Сок быстроводный, Самарка тихоструйная да Иргиз излучистый светлыми поясками степь пересекают.

Привольем и раздольем дышит степь и неудержимо манит она каждого, кто хоть единый раз побывал в объятиях ее просторов. И на том степном просторе улусы поразбросаны, степные кони разгуливают, да бараны шерстистой кошмой с увала на увал передвигаются. То кочуют ногаи... великая орда, та самая,

что увел и взял под начал темник*) хана Беркая—Ногай. Это он в Золотой Орде всеми делами ворочал — ханов сажал и смещал. Орда его в силе была и тогда, когда грозный царь Московский Иван Васильевич Казань полонил и Астраханскому царству конец прописал: триста тысяч рати насчитывала орда Ногая.

Потому и ласково говорили с ханами ногайскими через послов своих и сами цари московские и воеводы их окраинные.

Речи московиты вели мирные, а дозор держали крепкий за мирзами, князьями ногайскими, за теми, что владели улусами вдоль волжского побережья.

* * *

Приволья шири по степи ордынцу не объять:
Травы лугов муравчатых верстами не сочесть,
В стадах овец не считано, число коней не ведано.
Для молодецкой удали простору без границ.
Богата степь угодьями... бедна-ж людским добром:
Нет там доспехов воину — ни шлема прикрыть голову,
Ни панцыря защитного, ни сабли стали кованой;
Как нет для время мирного товару обиходного:
Нарядов, тканей, золота ордынцу не достать.

Но это есть в Московии, чьи села-города
Совсем вот тут поблизости, лишь Волгу пересечь:
Стоят там одиночные у речек хутора —
Бояр усадьбы знатные, именьем сверхом полные,
Стоят с опаской всякою, за тыном схоронясь.
Их челядь подневольная, с младенства в рабство взятая,
Ютится вокруг-около в хибарках немудрых.
Живут, влачат, век маются, бояр тех ублажаючи,
Подальше, в глубь Московии и города стоят,

* Темник — начальник тьмы (10 000).

С приказами, с лабазами, со складами добра
Есть в них дома купецкие палаты воевод —
Всех тех, кто власть жестокую за Волгой проявлял —
Степную ширь просторную насильно отбирал.
И два пути в ту сторону: дороги, тропы торные,
По ним скот, люди движутся из глубь-степей в Московию,
Другой путь не для всякого: опасен он, тернист.
Путем тем отряд движется наездников лихих.

Все чувством одним спаяны в отряде боевом:
Наживой добра разного и местью москвичам.
Лук, стрелы, сабля острая, скакун, аркан, седло—
Все это есть у каждого в отряде боевом.
Батырь в степи прославленный дорогою опасною отряд в налет ведет...

То крадучись, лесочками при солнечных лучах,
То полем, ночкой темною с разведкой впереди.
Эй, берегись пограничные деревни-города!
Нежданным вихрем явятся на город, на село...
Огонь по ветру взвеется... В испуге все замечутся...
Спасайся всяк по-своему: в борьбе не устоять.
Ногаи взять не спросятся: возьмут, что им покажется,
Возьмут и жизнь без жалости, коль станешь поперек.

Столбами дыма черного, далеким ночным заревом
Дозоры повестят, что из степи за Волгою
Пришла орда незваная...
Остроги пограничные тревогу зазвонят...
Пока же сила ратная спешит гостей встречать —
Добычей загруженные уйдут ордынцы в степь.
А там их след покроется рекой, травой, лесочками:
Поди их разыщи.
Обширна степь безмолвная... все скроет, заметет.

С тех пор, как покорена была Казань и Астрахань, царско-боярская Русь вплотную придвинулась к нагорным волжским берегам, и, чтобы закрепить за собою захватные шири и просторы, нужно было основать опорный пункт на скрещении торговых путей.

Вот почему в 1586 году, там, где впадает в Волгу река Самарка, и был построен острог в 822 сажени в длину и 162 сажени в ширину.

Крепко из бревен стены сколочены:
Башни угольные рублены накрепко,
Сильные бойницы, въезды тяжелые,
Вал крутояром, ров преглубокий...
Сторожко ходят дозоры стрелецкие.
Подступы к степям блюдут — охраняют...

Степняки сразу почуяли недоброе: Русь без их ведома перешагнула границу и твердой ногой стала на земли ногайские. Это был захват, насилье. И не даром хан Урус через послов своих заявил свой гнев-протест воеводе астраханскому.

Но все воеводы царские были верны своему обычаю — не обострять вражды с ногаями. В их отписке-грамоте, посланной хану Урусу, говорится:

„Мы на Волге и Самаре вас велели беречи накрепко того для есмя и город поставили на Самаре, чтобы вашим улусам было бережно."

Плохо верили мурзы и князья ногайские этим посулам воевод московских; однако, вступить в открытую борьбу с Москвой они не решались: свежа была еще память о Казани и Астрахани и к тому же неспокойно было и на восточной границе, на Яике, куда торкались новые волны степных кочевников.

Да так все и осталося...
Стоит та крепость новая, стоит-грозит наездникам,
Как гвоздь-заноза вбитая в ногайской стороне.
И для степных наездников казалась она грозною,

Покружатся близь-около на конях своих взмыленных,
Помашут саблей острою, на бой всех вызывающи...
.....А крепость та Самарская стоит себе целешенька.
Так было и тогда, когда под стены крепости*)
Уж не ногаи прибыли, — другой народ воинственный
В боях, кто и в сражениях над ними силу
Взял — орда пришла калмыцкая...
Отряд десятитысячный их крепость обложил:
Измором взять хотелося им стойких самарян.
Стояли с месяц, более...
Меж тем по Волге баржами и конной ратью по суху
Подмога подошла...Взажим взяла кочевников...
Та рать с верховья пришлая.
А тем деваться некуда: в Самарку-реку броситься
И дальше в степь уйти.
Да мало их повыплыло, чтоб весть снести печальную.
Но тем вражда не кончилась: прошло с того пять лет,
И вновь пришлось помериться врагам в глуши степной.
И снова рать калмыцкая бежала в степи, битая,
Бежала навсегда.

С постройкой крепости Самары все дальше в степь стали проникать новоселы. Степные просторы, тучные земли, рыбные воды, гаи-перелески, речная урема — все это манило землероба осесть здесь, зажить по-новому. Шли сюда зажить своим разумом, своей волею без бояр и дьяков приказных; шли укрыть свою веру старую от зажима православья; шли и подневольные—по приказу царскому и боярскому. Слава о приволье нового

* 1639 г.

края далеко шла по Московии, и людской поток из года в год все ширился, направляясь за Волгу.

Уже через сто с небольшим лет укрепленную линию с берегов Волги пришлось перенести километров за сорок дальше на восток: там, где впадает река Кинель в Самарку, на каменистом крутояре основан небольшой острог Алексеевск (1700 г.). От него прямой чертой на север, на Красный Яр и дальше долиной Сока, туда к самой Каме, пошел глубокий ров и вал, преграда наездникам-киргизам, которые сменили калмыков. Это — „Закамская укрепленная линия", охранявшая юго-восточные границы государства. Во многих местах на ней стояли остроги с гарнизонами войск; по лесам устраивались „засеки", на речных бродах „заторы". На особо возвышенных местах этой линии и денно и нощно сторожили дозоры, чтобы, заметив отряд наездников, запалить у себя на стану смоляные бочки. Высоко черным облачным фонтаном взовьются клубы дыма от горящей смолы; на этот тревожный сигнал отзовутся другие дозоры и далеко по краю разнесется весть, что враг идет.

С годами спокойней становилось жить в новом краю, и стала Самара обрастать слободами, хуторами да дачами, а в 1688 году она впервые получила права и название города.

А сторожевые остроги через десятки и сотни лет отходили все дальше и дальше на восток за Урал, за Яик.

Как столетние кровавые следы наступающего великана, говорят они о захватном пути царей и бояр Московских.

Тяжела была ступня „Руси Великой" для тех народов, которые жили на пути движения Москвы на восток, и только октябрьская революция призвала их снова к жизни свободной.

ВОЛГОСТРОЙ

РАССКАЗ

Какой хороший пляж на Голодном острове! Купаться там наслажденье... А проток, что отделяет его на западе от лесистой поймы... Быстрый, глубокий, с полукруглыми заводинами у крутого лесного берега. Разве плохие места для уженья? — А простор, а ширь на острове! Ведь длина острова не менее 3-4 километра, да в ширину 500-700 метров. Раздолье для всякого спорта. Недаром водники разместили здесь свой пионерский лагерь.

Их дачи почти против, на лесном крутояре левого берега. Пересеки из лагеря на лодке Волгу — и тут тебе ЦРК, медпомощь, культбаза. Рядом Барбашина поляна с пароходной пристанью: надо в Самару — пожалуйте, через час в городе.

Да что и говорить: лучшего не придумать.

Стоял конец весны 30-года. Было 26-е мая, час дня. Жизнь била ключом в лагере. Разница от обычного была только в том, что оживление в этот день было какое-то деловое. Разговор вертелся вокруг Самарской луки.

А на доске объявлений красным заголовком начиналось объявление:

ПРЕМИЯ ЗА ЛУЧШУЮ ЗВЕНЬЕВУЮ ПРОРАБОТКУ ТЕМЫ „ВОЛГОСТРОЙ".

Бесплатный проезд и содержание для звена от Самары до Казани и обратно в кают-кампании пассажирского теплохода.

Примечание: Тема должна включать в себе вопросы:

а) Самарская лука (определение) и ее геологическое прошлое.

б) Где и почему строится Волгострой; сравнительная мощность и технические особенности строительного плана.

в) Виды использования русла реки Усы и Волги в навигацию после устройства электростанции.

г) Размещение энергии и рентабельность производства.

Проработку закончить к 1/VI—30 г. Тогда же в 6 час. вечера на общем собрании отряда будет присуждение премии.

25/V—30 г.

Полозов, председатель бюро—шеф связи водников.

Поэтому отряд был взбудоражен заданием шефа и, что называется, „грыз землю", стремясь изучить тему.

Все сорок восемь человек делились на четыре звена. Первым звеном руководила Оля Добронравова; она была сирота, дочь мало оплачиваемого служащего. Работа в ее звене сейчас шла, как по выкройке, готовым трафаретом: — Ты, Маня, прочитай о Луке у Семенова-Тяньшанского; Петя просмотрит, что об этом есть в географии нашей губернии Преображенского, я — брошюру проф. Чаплыгина; а на завтра соберемся и будем составлять ответы на вопросы. Нилов, ты хорошо рисуешь, заготовь карту Луки к нашему докладу.

Не то было у Еремина: звено кумекало над вопросами сообща: изучают первый вопрос, ну и все вместе читают по книгам, где попроще изложено. Сенька-звеньевод проделывал все это не спеша, деловито. Приходилось подчас, когда не обмозгуют, спросить кое-что у более начитанных — Оли и Зуйкина.

Более шумно заседало звено Митьки Быстрова: шум, выкрики, спор. Большинство в звене составляли мальчики. Правда, были в этом звене две девочки, но и они — сорванцы — мало в чем уступали мальчишкам.

Да и про самого Митьку вот что в школьном журнале сказано: „Сын рабочего, развитие выше среднего, но начитанность недостаточна; успевает по всем предметам, кроме языков; подвижен; отношение к товарищам неровное; активен, в особенности по общественной работе; еет склонность к предметам — физике и естествознанию .

Вот эта подвижность звеньевода проявлялась и на работе звена: оно перескакивало с вопроса на вопрос, возвращалось обратно; но живое любопытство заставляло всех брать содержание глубже.

— А разве одна Лука на Волге?.. Вон колено у Сталинграда.

— Как, Лука была не такая? Куда же уходила Волга? А где есть еще такая река запружена?

Некоторые вопросы разрешал Митька; иные записывались для справок по книгам, на многие вопросы отвечали те, кто посметливей.

В звене Зуйкина, пожалуй, порядка было больше: начитанный, сын хорошо зарабатывающего служащего, он свободно брал печатный материал, редактировал отвечал на вопросы и дело спорилось.

Так все четыре звена продвигали свою работу, рассчитывая закончить ее к намеченному сроку.

Настало 1 июня.

Было семь часов вечера, когда открылось собрание пионер-отряда. Запоздание на час получилось от того, что не враз прибыли представители заинтересованных учреждений: Синягин Борис Петрович, краевед, Полозов Ив. Ив., Криницын Валентин Викторович из Крайоно. Сговориться и приехать вместе они не удосужились.

Косые лучи солнца бросали густую тень на ту поляну среди кустов тальника и осокорей, где было все приготовлено для заседания собрания: стол — фанера на трех колышках, на ней графин с водой и кружка; вокруг три небольшие скамейки для президиума и по-

четных гостей; для рядовых членов собрания — травушка-муравушка по всей полянке: сиди, лежи — запрету нет.

Собрание повел вожак отряда Бритов Витя.

— Давайте, ребята, тише, — начал он. — Теперь, значит, так. Президиум предлагает каждому звену осветить один вопрос из темы, кому какой достанется. Другие звенья выступают с критикой доклада. После задаются вопросы. То звено, которое лучше осветит вопрос и даст больше правильных ответов, премируется. Иных предложений нет?

—Нет.

— Тогда приступаем к докладам. Звеньеводы, берите номера.

— Мой первый!—кричит Оля.

— А мне второй достался, — заметил Еремин.

Третий получил Митька. Четвертый достался последнему звену.

— Слово предоставляется Добронравовой.

— Про Самарскую луку все мы давно знаем, — начала докладчица: — Это изгиб Волги в среднем ее течении, где она обходит Жигули.

Так как Жигулевский сброс состоит из известняков, которые, как известно, образуются из раковин морских моллюсков, то ученые полагают, что Восточная Европа, а следовательно и наш край, были когда-то дном обширного моря.

И пошла, и пошла говорить без запинки, как выученный урок. И кончила на том, как образовался Царев курган.

—Кто из остальных звеньев возражает или добавляет?

— А мы не так про Луку писали, сказал Еремин: Жигули — Жигулями, а Лука и там, где Жигулей нет: вон, примерно, за Переволокой. Мы у себя Луку обозначили от Ставрополя до Сызрани.

— И то, Сенька, мало, — добавил Митька: — Жигули начинаются от Усолья, выше Ставрополя: там и загиб ее начинается.

— Наше звено возражает в корне, — сказал Зуйкин. — Под Лукой нужно понимать не только течение, русло реки, но и всю территорию, которая охвачена изгибом Волги.

— Кто еще хочет сказать по затронутому вопросу?

— Позвольте мне,—сказал Криницын:—удачное определение Луки дает, по-моему, 4-е звено. Можно было бы еще более уточнить это понятие, заключивши Луку в градусную сетку, т. е обозначить географическую долготу и широту. Тогда Луку найдут на карте и все те, кто про Ставрополь и Сызрань никогда не слыхали.

— Ну как, ребята? Дадим за определение Луки очко 4-му звену?

— Отметить очко.

— Не возражаем.

— Какие еще будут вопросы?

— А где на этом плесе острова и почему?—спросил Иван Иванович.

— Мы на это не обратили внимания, — сказала Оля. — Но, кажется, их больше у левого берега.

— У нас в звене об этом говорили, — заметил Митька: — И по карте видно, где речки впадают в Волгу — там и острова: и против устья Усы, Сока, Самарки и много их против Безенчука и Екатериновки.

— Ну ладно, а как ты объяснишь про острова выше Самары? Там речек нет.

— А так: стрежень воды идет у левого берега почти у силикатного завода; а берег тут изгибом, серпом изогнулся... Ну, течением и отбрасывает пески к правому берегу, там тише; на тиховодье пески и отлагаются.

— Верно. Смекалка у тебя, Быстров, есть. А как бороться с этими песками?.. Гляди, они заносят весь наш причальный берег.

— Мы так в звене постановили: чем ушибся, тем и лечись — стрежень направить, он и смоет. Вон ныне у правого берега против Самары плотину на Воложке делают и берег укрепляют—это самое и нужно.

— Постановить-то вы постановили,— проговорил Ив Ив.,— да Волга — вольный казак: она ваше постановление может и не выполнить. Вот 17 лет тому назад (тоже стрежень направить) укреплял каменными тюфяками правый берег против города инженер Ковзан... А где эти тюфяки? Видали? Или горохом камешки по берегу рассыпаны, или горкой, островком, песком замытые далеко от берега в воде стоят... Строить плотину на Воложке строим, а большой уверенности в исходе дела у нас нет. К счастью, сама Волга подметать свое русло старается: ведь вот эти самарские пески лет с двадцать больше тому назад против седьмой просеки были, а теперь на 10-12 километров ниже спустились...

— Что же скажем об ответах 3-го звена?... Можно ему очко занести?

— Можно, можно. Пиши, Витя!

— У меня вопрос есть,— сказал Валентин Викторович.— Море, про которое говорила докладчица, только однажды заливало наш край, или явление повторялось?

— Ученые предполагают, что море наступало не раз,— ответила Оля:— последний раз у нас было море Акчагыльское...

— Кто еще имеет вопрос? Нет? Тогда как аттестуем доклад Оли?

— Хороший!

— Удовлетворительный!

— Очко пиши!

— Значит, запишем и 3-му звену очко за доклад.

— Сенька, твой доклад. Давай!..

— Почему выбрали под Волгострой Самарскую луку?— начал Сенька:— об этом сказано так: чтобы выпрямить кривулину от Ставрополя до Переволок: Волгой 150 километров, а по Усе только 25... Вон какое сокращение! Тут сколько выгоды получится для пароходов и барж. Теперь причина еще такая: запруду не везде удержишь на большой реке: трухлявые берега не закрепишь. А тут и можно пониже Ставрополя

или у нас в Жигулевских воротах. Такое удобство не везде на Волге встретишь. И третья причина: здесь самая большая нужда в электростанции. Сколько заводов стоит в Жигулях, сколько в городах?.. А сколько построится? В ином месте выстроишь такую станцию, а девать энергию некуда. Опять же и Средневолжский край хлопотал об этом много: ему электричество не только нужно для заводов, а на поливку полей: край урожайный, а засуха губит труд земледельца.

Вот о мощности. Тут у Чаплыгина говорится, что одна электрическая станция будет стоять на Волге на плотине у Ставрополя, а другая у Переволок, на 250 и 435 т. киловатт. На лошадиные силы это значит миллион двести тысяч, в полтора раза больше Днепростроя и больше Ниагарской в Америке. Для станции думают выстроить плотину с отливом из железобетона. Плотина эта будет немного ниже Ставрополя. Вода здесь у плотины встанет широким разливом, метров на 15 выше межени, и зальет долину Усы до самих Переволок. Для стока этой воды в Волгу через увал у Переволок канал прорюют. А сделать это можно: уровень воды Волги у Ставрополя на 6 метров выше чем у Переволок. И не только вода по каналу пойдет, но и будет водопад больше 4-х метров вниз. Тут вот другая станция, самая большая, и будет стоять. И шлюзы устроят для пароходов, барж, плотов и проч.

Еще что сказать мне? Да... Она встанет дорого: миллионов пятьсот или около этого, но энергии будет так много, что ее можно будет отпускать по 0,85 коп. за киловатт. Ну, теперь все.

— Какие будут вопросы докладчику?

— Наше 4-е звено вносит дополнение. Каналов в долине Усы будет не один, а два: по одному суда идут, по другому вода идет на станцию.

— Правильно, соглашается Сенька, — я забыл об этом сказать.

— А может быть так: плотину железобетонную сделают, а вода все-таки уйдет?

— Я скажу, — говорит Быстров: — На одной даче так было: грунт слабый, вода и просочилась. И здесь, если дно песчаное глубоко, наверное плотину здорово углубят.

— Вот, вот, — сказал Ив. Ив.: — Вы не читали, — в Америке, в Калифорнии, случай был, как раз с железобетонной плотиной большого масштаба.

— Вот этим вопросом сейчас заняты изыскательные партии, — заметил Валентин Викторович — Но в Америке, да и в Канаде, есть примеры постройки плотин на водопроницаемых пластах.

— Ну, а будут ли у нас станции еще более Волгостроя? — обратился к Сеньке Борис Петрович: — есть ли такая сила воды?

Сенька замялся.

— Ангарстрой. — сказал Зуйкин. — Я читал в газете — три миллиона лошадиных сил.

— А как воспользуются опытом Днепростроя? — поинтересовался Криницын.

— Прежде всего возьмут всякие машины, — отвечал Сенька: — экскаваторы там и другие; квалифицированных рабочих; а в первую голову инженеров-строителей. Многих инженеров и рабочих нарочно в Америау посылали учиться работать с машинами. Вот и пригодятся.

— Еще вопросы? Нет? Ну, а про доклад что скажете?

— Удовлетворительный.

— Не все знал...

— Записать очко.

— Доклад толковый, — вступился Борис Петрович: — Просто и понятно и все основное сказано.

— Так запишем очко Еремину?

— Пиши...

— А я бы предложил по очко записать Быстрову и Зуйкину: одному за догадку, другому за любознательность, — сказал Борис Петрович.

— Нет возражений?

— Пиши...Пускай...

— Ну, Митька, давай ты, — обратился председатель к Быстрову.

— Наше звено много спорило, — время у нас нехватило. Вот теперь надо говорить о навигации на Волге да на Усе, а материалу-то маловато.

Ну, что сказать об Усе?.. Весной она ширится за счет Волги, а придет лето — узенькая да мелководная; местами в брод переезжают. А построят плотину на Волге — весенняя подпора все время в ней будет. И два канала по ее долине пройдут: один пойдет к станции, другой к шлюзам. Видимо, они разделятся только тогда, когда будут пересекать увал между Усой и Волгой. Тут расстояние всего 2,2 километра.

Здесь каналы будут бетонированы: каменные породы на увале ноздреваты, так чтобы вода не просачивалась. От Ставрополя почти до Казани плес станет полноводным, с тихим течением. Как проехать сверху вниз?.. И суда, и плоты, и баржи с буксирами, когда подойдут к плотине у Ставрополя, поворачивают на Усу по судоходному каналу и подходят к шлюзам. А шлюзы сделаны в три нитки, каждая длиной 220 метров и шириной не меньше 45 метров. Вот сколько времени спускаться или подниматься будет пароход по шлюзам — не скажу; все таки в сутки их пропустят штук десять, а то и больше.

Как же дело будет обстоять на плесе у Самары? Опять же и тут у нас больше догадок, чем печатного материала. Большой город не останется без водяной дороги: она самая дешевая. Нарочно канал от морей и рек к городам проводят, а тут готовая река. Правда, ширина Волги много посократится, ну, а глубину выравнять землечерпалками всегда можно, и пароходы пригородного сообщения по этому плесу ходить будут. Понятно, для дальнего пути — в Нижний, в Астрахань — без перегрузки не обойтись.

Выгоды водникам от сокращения пути через Переволоки на Ставрополь по Усе — профессор Чаплыгин

насчитывает больше 10-ти миллионов в год... Ну, я больше пока ничего не скажу.

— Что добавят другие звенья?

— Нечего добавить-то, — говорит Оля: — Прочитать об этом негде.

— Вопросы?

— А как плоты поплывут? — раздался голосок малышки-пионерки: — Они длинные...

— Как? На буксире пароходом: ведь плес от Казани до Ставрополя тиховодный.

— А как уместится в шлюзе?

— Так: плоты связаны членами. Не уместятся все сразу, так половина, не половина — так один. Что надо — согласуют: может, там на Унже, да на Каме, где плоты вяжут, прикажут вязать покороче... может, и отдельный плотоход сделают.

— А в кругосветку можно будет ездить? — кричат мальчуганы.

— А вы сами об этом подумали? Кругосветка хороша тем, что едешь все время вниз по течению. А теперь... выехали, скажем, не к Переволокам (там не пустят), а к селу Рязани, перевезли лодку в Усу, ан течение-то против. А на Волгу выедешь — плотина тебе поперек.

— Быстров, а куда денутся излишки воды весной? Ведь воды будет в несколько раз больше чем в межень?

— Через водосливную, Ив. Ив. Простору две версты.

— А кому этот проект убыточен? — спросил Бор. Петр.

— В звене у нас об этом разговора не было. Я думаю, когда плотина подопрет Волгу у Ставрополя, она летом займет пойму далеко вверх, а значит — прощай луга, тальи, рыбные заповедники... Но убыток для побережных крестьян удовлетворят нарезкой в полях.

— Есть еще вопросы? Нет? Что же сказать про доклад Быстрова?

— Ставь очко.
— Записывай за ним еще очко
— Записываю. Зуйкин, рапортуй, давай.
— Мои товарищи уже говорили о мощности станции Волгостроя, которая определяется в 685 т. киловатт или в 1,2 миллиона лошадиных сил. Стоимость сооружений—436 миллионов. Такие огромные затраты надо государству оправдать, а для этого необходимо, чтобы получаемая энергия расходовалась полностью. При полной нагрузке станции дадут около 4 миллиардов киловатт часов в год. И если вся энергия найдет себе потребителей, стоимость ее не превысит 0,85 копейки.

Чем располагает промышленность сейчас по радиусу на 200—300 километров—нам известно, но этих заводов и фабрик для использования энергии станции недостаточно; недостаточно и тех дополнений, что внесет пятилетка. Нужно новое строительство, что еще не занесено по плану, а существует в наметках будущего: нефтепровод Эмба—Самара, стекольный, цементный, сооружения по ирригации полей и пр. Все это неминуемо будет, так как в этом нужда. Но откроются и такие заводы, для которых нужна очень дешевая энергия-сила. Это—алюминиевые заводы и некоторые виды химических. Так было на Ниагаре в Америке, в Норвегии, так будет и у нас.

Но станция будет строиться в две очереди: первоочередная—это волжская на 250 т. квт. Она безусловно может опереться на существующие заводы стройматериалов на Луке, все городские самарские предприятия, пригородные строительства, Чапаевск и, частично, на ирригацию полей и огородов, в первую очередь тоже, конечно, пригородных—Самарский плодоовоще-огородный совхоз, Рождественский молочно-огородный и др.

Электростанции—дело определенно выгодное; недаром они так растут и у нас и за границей. Затраты строительства окупаются быстро. Наш Днепрострой должен оправдать себя в пять лет. Надо думать, что и Волго-

строй окупит себя в недалеком будущем, тем более что стоимость его электроэнергии самая дешевая в мире.

— Ты кончил?

— Да.

— Ну, кто что дополнит?

— А как это ирригацию устроить?.. Не везде вода, а в засуху жгет и у реки и на увалах.

— Об этом нет подробных указаний.

— А водокачку видал на вокзале? — вмешался Митька: — Тоже подъем на гору... А можно воду поднять и выше, а оттуда по трубам куда хочешь...

— Ты, Володя, по брошюре Чаплыгина этот вопрос прорабатывал?

— Да, по первой — „Проблемы Волгостроя".

— А есть другие варианты?

— У Чаплыгина упоминается, что могут быть и другие проекты, но я не читал.

— А Богоявленского? — замечает Митька:—Еще плотину в Жигулевских воротах хотят поставить: от горы до горы. Был доклад в Техмассе.

— Это верно, — подтвердил Синягин: — Есть предположение построить и плотину против Бахилова; окончательный вариант установят, когда закончатся работы изыскательных партий.

— Есть еще вопросы?

— Хватит... ладно

— Нет больше? Ну, а как оценить доклад?

— Хороший

— Мудреный только.

— Записать очко.

— Других мнений нет?

— Дайте мне слово, — попросил Б. П.

— Как и что доложил Володя свидетельствует о том, что звено изучило дело основательно. А форма изложения, язык свидетельствуют об общем развитии докладчика. Но звено Быстрова и тут вклинилось с некоторыми разъяснениями. Мне кажется, было бы справедливым занести очко не только 4-му, но и 3-му звену.

— Правильно.

— Согласны.

— Пиши, Витя, очко и Митьке.

— Запишем тому и другому... Итак, вот какие выводы: 1-е звено имеет одно очко; столько же 2-е; третье имеет четыре и звено Зуйкина — три. Премируется, значит, звено Быстрова.

Раздались аплодисменты.

— Ай, Митька! Здорово! Я говорил, что его звено возьмет.

— Дайте мне сказать пару слов, — попросил Ив. Ив.

— Тише, ребята!

— Ребята, — заговорил Ив. Ив.: — Цель водников была побудить вас пристально изучить вопрос огромной важности для нашего края в целом и нас, водников, в частности — это вопрос о Волгострое. Вот из того, как и что вы говорили, какие вопросы задавали, видно, что к этому делу вы отнеслись добросовестно и хорошо проштудировали специальную литературу, доступную для вашего возраста и развития. Поэтому премирования заслуживает работа всех звеньев. Пусть звено 3-е едет до Казани, до самого верха того плеса, про который Митя рассказывал; а все остальные на дачной линии прокатятся с теми же удобствами от Самары до Ставрополя, с 2-часовой остановкой в Моркашах на обратном пути. Это, чтобы полазать по горам, ноги поразмять,—закончил он смеясь.

Шумные аплодисменты.

— Ура!.. Качать Ивана Ивановича!..

— Качать!

— Стойте, стойте, — успокаивал Ив. Ив. обступившую его детвору. — Пойдемте лучше купаться, а потом угостите нас чаем, а сласти к нему у меня в чемодане...

— Ура-а-а!!! Бежим, ребята!

И сорок восемь пар голых пят зарябили в глазах. Освежающая прохлада ждала их: она притаилась в зеркальной глади реки, в которой отражались последние лучи заходящего солнца.

Взрослые, не спеша, приближались к реке, оживленно беседуя на тему, как домашний быт отражается на характере детворы и ее работе.

— Нет, что ни говорите, — политехнизм в школе-семилетке сыграет огромную роль не только в смысле развития техники, но и в воспитательном отношении... Пример вам Митька, — рассуждал Валентин Викторович:—Атмосфера труда, работа на производстве создает закалку характера. Она научит достигать цели, привьет сноровку, разовьет сметку... И она же пропитает коллективизмом всех тех, в ком еще живы черты мелкого собственника.

Они подошли к берегу.

— К нам, Ив. Ив.! Идите скорее!.. Нет, к нам Ив. Ив.! — кричали из воды десятки детских голосов...

— Сейчас!

— Стой, не заплывай вперед, Митька, сейчас разденусь!..

— К соревнованию будьте готовы!

— Всегда готовы...

— Ого-го!.. Уф!.. — отфыркивался окунувшийся с головой Иван Иванович.

Он врезался в самую гущу плавающих и барахтающихся пионеров...

— Ну кто-кого? — Задорно вызывал он, готовясь плыть.

— Я, я!

— И я!

— Мы!.. Мы!..

— Отдай чалки!.. Впере-ед! Оп!.. Уфф!..

— Айда, ребята! Оп!.. А-аа...

— Наддай еще!..

Волга пенилась, волновалась, кипела, шутливо взметывая жемчужные капли; она нежно ластилась живыми струйками вокруг загорелых телец веселой, радостной детворы.

Казалось, ей самой, старой Волге, радостно было ощущать в себе эти живые зародыши новой жизни,

которые вовлекут и ее непочатые силы в великое строительство великой страны.

В этот теплый, тихий вечер большие костры долго горели на Голодном острове. Пионерские песни далеко неслись над притихшей рекой.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЛУКЕ

ОЧЕРК

Кому случилось летом 30-го года побывать в Самаре, тот не мог не заметить строительной горячки, которая охватила столицу Средневолжского края. Во многих местах города ни пройти, ни проехать: песок, камень, кирпич, лес в штабелях, бревнах... И обломки разобранных строений: половье, поломанные доски, полусгнившие бревна. Все это, как старая труха, брезгливо отброшено в сторону.

Больше почету извести, асфальту, цементу — лежат они под навесами, на складах. А вокруг разбирается старое и нарастает новое: снижается огромный собор, разбираемый по кирпичикам, и невдалеке растет третий этаж комвуза; как всходы в парниках, тянется к седьмому этажу дом Красной армии; дальше, к Волге, на Советской, из глубокого котлована наметились и растут контуры семиэтажного дворца промышленности... Идешь или едешь на трамвае по улицам — здесь и там неожиданно обнажаются новоотстроенные 3-4 этажные корпуса домов. Вокруг города все те же признаки неукротимой энергии человека в создании нового: строящийся водопровод, заводские столовые и корпуса под жилплощадь рабочих, толево-руберойдный, кирпичный, кожевенный заводы; подвалы, сушильни, казармы Плодоовощсоюза. И так везде, куда проникает глаз.

И сквозь все эти виды строительных материалов проглядывает лицо Жигулей, строительной базы края. С названием „Жигули“ воображение рисует нам береговую линию Самарской луки, изрытую, исковыренную по всему побережью: камни под ногами, камни в кубометрах, камень в погрузке... и пылит известка на известковых заводах, в баржах и сараях... Везде серо-белые тона.

Стройка в Самаре.

Среди этой, на взгляд однородной массы, есть де-

сятки сортов, разнящихся между собой по цвету, твердости, химическому составу, качеству в работе. Мягкий фузулиновый известняк идет на цоколь, на плиты для лестниц и тротуаров, на ступеньки подъездов и проч.; чистый известняк — на высокие сорта извести для химических заводов и военной промышленности; твердые доломитовые ангидриды — так это же известковый мрамор. Из него купец Ванюшин в дореволюционное время изготовлял и доски для умывальников, и крышки для столиков, и пр. предметы. Сахарно-белый, синевато-серый или темный, с красивыми прожилками, ширяевский мрамор находил себе широкое применение.

Но есть сорта известняка и такие, которые идут только на бут, на мостовые и щебень для бетона. Запасы всех видов известняка необъятны. Яблоновый Враг, Липовая поляна, Монашенский берег и другие места правобережья содержат в себе значительные залегания. Но особенно ценные его сорта имеются вблизи с. Ширяева. И недаром еще в довоенное время здесь были разработки различных предпринимателей, в том числе и таких капиталистов, как помещик Ушков и купец Ванюшин (Попова гора, Липовая поляна). Ныне здесь работают заводы Стромтреста — „Ширяевец", „Бурлак" и „Богатырь".

Как растет стоимость их выработки, показывает следующая таблица:

в 26/27 году на	. . . . .	170.000	р.
„ 27/28 „	„	439.000	„
„ 28/29 „	„	962.000	„
„ 29/30 „	„	1.279.000	„
„ 30/31 „	„	1.538.000	„
„ 31/32 „	„	1.538.000	„
„ 32/33 „	„	1.692.000	„

иными словами, процент роста производства 32/33 к 26/27 более 800.

Все это к концу пятилетки даст погрузку для транспорта в миллион тонн.

Вообще в довоенное время на Самарской луке добывалось более 300.000 тонн известки, 30.000 тонн алебастра, 100.000 кубов камня. Ныне довоенные нормы достигнуты и в ближайшие годы будут удвоены.

Стоимость ширяевской извести 12–14 руб. тонна, самая дешевая расценка в СССР.

Масштаб производства в конце пятилетки будет таков, что ему равного не найти в Европе.

Суда под нагрузку извести.

Выходит так, что лозунг „догнать заграницу" будет выполнен Ширяевской группой заводов в кратчайший срок. Притом не надо забывать, что продукция заводов высокого качества, в особенности „Ширяевца". Процесс сбработки извести крайне прост: нужно добыть сырье (наломать камень), обжечь в особых печах (Гофмана) и перемолоть. Но хорошее качество продукции не так просто получается: нужна порода чистого известняка и нужно уменье производить обжиг. Изве-

стно, что для обжига известняка температуру необходимо довести в печах до 225° С. Температура должна быть стойкой: повысилось наличие тепла — пережог, снизилась — недожог. И в обоих случаях получится бракованный товар. И дальше, так как известь и даже алебастр — материал относительно дешевый, то нужно как можно меньше иметь накладных расходов, а для этого необходимо удешевить, механизировать нагрузку, отгрузку как сырья, так и продукции, и, кроме того, обеспечить дешевым транспортом. К счастью, все заводы Самарской луки имеют у себя под руками такую дешевую дорогу, как Волга.

Попова гора, взорванная на строительные нужды.

В настоящее время производство совершенствуется и с постановкой на заводе „Богатырь" шестисотсильной электростанции производство всей группы заводов перейдет на использование электросилы.

Чтобы удешевить получение сырья (каменного лома) ныне применяется взрывчатое вещество—амманал. Еще недавно в галлереях Ширяева был заложен за-

ряд в 40000 килограммов. Это величайший по размерам взрыв в Европе. Он имеет не только практическое, но и научное значение.

На рационализацию и механизирование заводов в Жигулях выделена по смете сумма в один мил. руб. Принимаются меры и в части улучшения быта рабо-

Бремберг для спуска камня.

чих: увеличение жилплощади, улучшение питания-поднятие зарплаты и пр. Этим путем устранится глав. ный недочет производства — текучесть рабочей силы, Зарплата по сравнению с довоенным временем уве-

лучилась в 2-3 раза; в среднем зарплата служащих— 90—110 р., рабочих — 55 руб.

Все сказанное касается сортов углекислого известняка. Но на побережье есть сорта сернокислого известняка, или гипса, белосахарные и розоватые виды которого называются алебастром. Овраги Прясельный и Деревенский, Серная, Белая и Винновские горы имеют огромные запасы гипса. Все эти места — на правом берегу, но и на левом обнаружены месторождения гипса и производились разработки алебастра, как, например, в Соколовых горах, вблизи дачной местности Красная-Глинка. Но применение алебастра более скромно: он идет на штукатурные работы и выработка его значительно меньше, чем известняка (10%); сорта же гипса, пригодные для удобрения известковых почв, у нас еще не имеют применения, — это дело ближайшего будущего.

Особо стоит вопрос об использовании запасов Серной горы (у Жигулевских ворот). Как уже самое название указывает, пласты сернокислого известняка в этой горе содержат в себе элементы серы, которая выступает иногда целыми гнездами.

Правда, месторождения серы значительно использованы когда-то бывшими здесь серными заводами (1720—1757), но, без сомнения, с большой выгодой может быть основан завод по добыче алебастра с отделением выработки кристаллической серы и теперь. По предположениям проф. Чаплыгина, серно-алебастровое производство в Жигулях сможет быть доведено до 300 000 тонн алебастра и 25 000 тонн кристаллической серы для ярославских и сызранских химических комбинатов.

Кроме извести, камня и алебастра Жигули могли бы поставлять и дефицитный товар — портланд-цемент. В Яблоновом Враге, вблизи деревни Моркваш, как и в Деревенском, залегают известняки и глины превосходного качества. Из них может получиться первоклассный цемент. Образцы известняка и глин Яблоно-

вого Врага еще в довоенное время отсылались для анализа и отзыва за границу одной берлинской фирме, которая дала блестящий отзыв о присланных образцах, как вполне пригодных для выработки цемента.

Природа как будто позаботилась расположить здесь горные породы особенно удобно для будущего цементного завода: глина в Яблоновом Враге залегает выше известняков. Она пойдет на завод самотеком по естественному двигателю — уклону, а это удешевит себестоимость цемента.

При затрате в 3 миллиона рублей на устройство завода, край мог бы получить в год до 500 000 бочек портланд-цемента.

Но особо интересны по составу своих недр два места на Луке — Бахилова поляна и Печерское. Там и здесь залегают под почвой битумы, пропитанные от 10 — 25% горной смолой камни. У Бахиловой поляны — битуминозный песчаник; у с. Печерского — битуминозный известняк.

Наиболее ценным продуктом является натуральный гудрон, состоящий из асфальтона (твердого, хрупкого вещества), смолы эластичной, вязкой и смолы жидкой среды. Цена его в нашем крае в текущем году намечена в 300 р. за тонну, в то время как тонна асфальта стоит 40 руб. Разница в цене вполне понятна, так как из гудрона получаются лаки, изоляционный материал, и строятся эластичные основания. Асфальт же идет на мощение улиц, дворов и пр., при чем непременно с примесью 3% гудрона.

Если битуминозный песчаник в дробленом виде поварить в котлах, то смолистые вещества при температуре 40—70° отделятся и всплывут коростой наверх, камни же и песок осядут на дно. Всплывшую массу снимают, вновь кипятят и получается довольно чистый гудрон, который прессуют и пускают в продажу. Это основная работа, которая может быть более или менее совершенной, механизированной. К сожалению, запасы гудронного песчаника сильно истощены, но так

как добыча гудрона производилась достаточно упрощенно, то в отбросах содержится значительный процент гудрона, который может быть извлечен при более совершенной обработке.

Известково-алебастровый завод в Жигулях.

В отходах (отбросах) гудрона находится так называемая „гарь", лучшие элементы гудрона. При температуре, обычной для гудрона (70%), „гарь" не расплавляется, — для выделения ее нужно или повышение температуры до 100°, или обработка сероуглеродом и бензином.

Вообще вопрос об использовании „гари" находится пока в стадии разрешения.

Запасов гудрона на Бахиловском месторождении, если не будет новых открытий, хватит на 3—5 лет, не более. За последние годы выработка гудрона выразилась в следующих цифрах: в 1926 г. — 615 тонн;

в 1927 г. — 752 тонны, 1928 г. — 1 288 тонн, в 1929 г. — 1 250 тонн. Стоимость тонны — 225 р. — 283 р.

Что касается запасов асфальта, битуминозного известняка у с. Печерского, то они очень обширны; так, один из видов таких известняков (верхне-каменноугольный швагериновый) тянется от с. Печерского до Костычей, т. е. более десяти километров. Есть брекчевидный известняк. В нем асфальт не пропитывает поры камня, а заполняет пустоты между глыбами. Асфальт идет в размол на изготовление мастики для замощения улиц. Разработка породы давала в довоенное время до миллиона пудов асфальта в год. На территории Луки существовало два асфальтовых (у села Печерского) и два гудронных (в Бахилове) завода, с 246 рабочими, вырабатывавшими продукции на сумму свыше 200 т. руб.

В настоящее время на всех заводах Стромтреста, расположенных на территории Самарской луки, кроме печерских асфальтовых (находящихся в ведении центра), занято до 1 600 рабочих.

В ряде строительных материалов немаловажное значение имеет мел. Меловые напластования на Луке расположены на значительной глубине и разработка их невыгодна. Между тем выходы мела на поверхность земли находятся сравнительно недалеко от Луки, выше Усолья, также на берегу Волги—в с. Климовке, где имелось два меломольных завода. При рационализации производства на этих заводах потребность на мел в строительстве заводов, прилегающих к Луке, была бы полностью удовлетворена.

Но новое строительство все более опирается на бетон, стекло, силикатный кирпич, трепел. Как же обстоит дело с этим видом промышленности?

Завод силикатного кирпича уже построен в Самаре, и пущен в дело: он работает жигулевской известью и песком с Голодного острова. Три трепеловых завода в стройке, но за пределами Луки, а именно—в районе ст. Инза. Для изготовления же бетона и стекла все

данные имеются в Жигулях. О цементе, как составной части бетона, мы уже говорили выше, а гравий (крупно-зернистый песок с галькой) могут дать в неограниченном количестве песчаные гривы против с. Подгоры, Бехтяшевки и Бахилова. На некоторых же участках волжского русла имеется песок, пригодный для изготовления стекла (близ Ермачихи, Брусян, Рязани). Поэтому предположения проф. Чаплыгина о необходимости основания в районе Жигулей большого стекольного завода, изготовляющего до 100 000 т. разных сортов стекла, вполне реальны и осуществимы.

Наконец, есть в Жигулях и еще минерал—это соль. Она в виде соляных источников обнаружена близ с. Усолья, на р. Усолке. Самое название села указывает на его особенности, которые оно имело в жизни края в отдаленном прошлом: первые поселенцы, основатели поселка, помимо рыболовства и других промыслов, занимались и выварκой соли. В то время такие скопления соли, как близ Илецкой-Защиты и на озерах Эльтон и Баскунчак, не были известны жителям местного края, и усольская соль обслуживала нужды населения. Внимание ей уделялось и в голодный год, и в период гражданской войны 18—19—20 г.г., когда было прервано движение судов по Волге. Ныне, когда на рынках имеется дешевая низовая соль, выварка соли в Усолье не оправдывает затрат сил и средств, т. е. нерентабельна.

В заключение следует сказать, что и сейчас велико значение Жигулей для строительства края, в особенности для Самары. В будущем же оно будет грандиозно, так как не ныне-завтра такие заводы, как цементный, алебастрово-серный, стекольный, будут построены в Жигулях. В них неотложная надобность, а к тому же на Луке скоро появится богатырь, который двинет промышленность края с невиданной быстротой и силой.

Имя этому богатырю—Волгрэс.*

---

* Волжская государственная районная электрическая станция.

91(47.87)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3

Прошлое Жигулей. Геологический очерк 5

У Жигулевских ворот. Набросок с натуры 10

Кругосветка. Рассказ 14

Следы прошлого. Очерки из истории заселения Луки. . . 70

Как зародилась **Самара.** Набросок 81

Волгострой. Рассказ. 87

Настоящее и будущее промышленности на Луке. Очерк . 102

5 — Кв № 658

10943

М.2 | П
4 | 64-С